

Сергей Куприянов
Жизнь глазами пессимиста

рассказы

Сергей Куприянов

**Жизнь глазами
пессимиста. Рассказы**

«Издательские решения»

Куприянов С. Н.

Жизнь глазами пессимиста. Рассказы / С. Н. Куприянов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748523-8

Сборник рассказов, герои которых — простые люди, не героических профессий, не выдающихся способностей, живущие в разное время от войны до настоящего. Смешные и трагические, волевые и бесхребетные, трогательные и раздражающие. Такие, какие мы есть и какие нас окружают.

ISBN 978-5-44-748523-8

© Куприянов С. Н.
© Издательские решения

Содержание

Гей-парад	6
Деточка	14
Детское	22
Банан	22
Крокодил	23
Моя любовь – Венгрия	24
ППШ	26
Enjoy Coca-Cola	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Жизнь глазами пессимиста

Рассказы

Сергей Николаевич Куприянов

© Сергей Николаевич Куприянов, 2018

ISBN 978-5-4474-8523-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гей-парад

Маленький шахтерский городок, затерявшийся реди терриконов и отвалов некогда громкой стахановской славы, дремал на раскаленном июльском солнце. Мирный сон городка изредка нарушался грохотом мчавшейся по ухабам машины, прозванной в народе «говновозкой», с красивой, прописью в стиле «Жигулевское», выведенной на боках бочки надписью – «Отсосем» и телефонами Лехи и Тохи Шимко. Братья – близнецы, отслужив в ВДВ и вернувшись в родной город, из металлолома, оставшейся от автоколонны шахтоуправления, собрали «Газон» и стали оказывать услуги населению. Бизнес оказался довольно прибыльным. Дома в городке, в основном, были частными, а потребности населения «до ветру» не прекращались даже в самые нелегкие времена. Хотя бизнес братьев пах не очень респектабельно, почет и уважение у них были заслуженные. Да и у девушек они были на особом счету. Веселые и бесшабашные братья пользовались бешеным успехом у женского населения городка, за что заработали прозвище, которое при детях старались не произносить.

Небольшая передышка между отопительными сезонами несколько расслабила городского Голову Ивана Степановича Пузиков. Невысокий, лысый, немолодой мужчина мысленно уже планировал, как будет проводить свой очередной отпуск, который проводил традиционно, по-семейному, одну часть на даче, а вторую, ездил в Крым. Никакой Турции и Египта не признавал, отчасти потому, что боялся, что могут пойти разговоры, отчасти по привычке. Головой он был уже давно. Пережив несколько выборов и, видимо, поскольку в городишке не осталось никакой сколько-нибудь привлекательной промышленности или других лакомых кусков, конкуренцию, ни из области, ни из местных ему никто не желал составлять, кроме предводителя местных коммунистов и зама в одном лице Петра Сергеевича Куницына, с которым проработал еще в райкоме партии. Все было достаточно предсказуемо. И дни тянулись один за другим, неотвратимо приближая Ивана Степановича к долгожданной пенсии. Звонок из области застал Голову в кабинете.

– Иван Степаныч, доброго здоровья, дорогой, – баритонил областной начальник – Тут вот какая, понимаешь, задача. К тебе приедет делегация, иностранная, человек пять. Ты встреть их, ну, как полагается.... вот...

Нехорошее предчувствие заставило Ивана Степановича приподняться. Что – то эти паузы в трубке и многозначительное «Понимаешь, задача», с его – то опытом и чутьем на разные политические веяния и колебания, несколько обеспокоили. «За каким чертом они к нам едут? Может родственники погибших немцев во время войны?», – промелькнуло у Ивана Степановича.

– Общим так. Тебе необходимо организовать... гей-парад в это воскресенье..., – резанул напоследок начальник, не желая держать необычное предложение в себе.

– Не понял, – Николай Викторович... парад... Так день освобождения еще... – не совсем понимая, что от него требуется, произнес Иван Степанович.

– Ты меня хорошо слышишь? Гей – парад. Ты что телевизор не смотришь? Мы движемся в Европу и, как её... гомофобия, там наказуема. Там президенты педи...., эти, геи и ничего, процветают.

– А где я тебе их возьму? Вы чё там? Какой гей – парад? Вот у себя и проводите, в области, – взял себя в руки Иван Степанович.

– Да ты не ерепенься. Общественность организуй, наверняка есть у тебя, эти, геи, понимаешь, только скрываются. Вот проведешь парад и увидишь сколько их. А у нас нельзя, не время, народ будоражить зря, еще инциденты могут быть, а там иностранцы. А у тебя тихо, спокойно. Кто там, что скажет.

– Я всего ожидал от тебя, Николай Викторыч, но такой....

– Вот проведешь парад и в отпуск. Все. Это решение губернатора, так, что я тут бессилён. Иван Степанович медленно опустился в кресло, повесил трубку и уставившись в одну точку бормотал: «Гей – парад, гей – парад...» Растянув еще и так болтающийся галстук, он нажал кнопку селектора:

– Наташа, собери ко мне всех замов на .... 16 часов, милицию тоже. И директора института, как её .... Элеонору.... Ну ты поняла.

– Хорошо, Иван Степанович, – ответила девушка в динамике.

Ровно в 16—00 в кабинет зашел Петр Сергеевич, высокий, седой, несколько ссутулившийся мужчина, вечный зам и оппонент Головы:

– По какому вопросу совещание, Иван Степаныч?

– Проходи, сейчас все соберутся, все расскажу.

Через минуты три собрались все приглашенные.

– А где наша наука?

– Элеонора Николаевна в отпуске, я вместо неё, – вскочил носатый мужчина лет 35, с жирными слипшимися волосами зачесанными на бок.

«Гоголь...», – подумал Иван Степанович. Показал рукой, что бы тот садился. Набрал воздуха и начал совещание.

– Сегодня позвонили из области с необычным заданием, – Иван Степанович приостановился и набрал воздуха, – Мы должны провести у нас в городе... гей – парад...

В воздухе повисла тревожная пауза. Иван Степанович окинул присутствующих и увидел в глазах не просто удивление, а как будто вместо городского Головы сидел инопланетянин. Иван Степанович, промокнул пот, предательски выступивший на лысине и не давая опомниться продолжил:

– Не удивляйтесь, это... считайте, решение окончательное и возражения не принимаются...

– Иван Степаныч?! Это что?! Провокация? – опомнившись первым, возмущенно вскочил коммунист. Все зашевелились, поднялся шум.

– Тихо, тихо, – пресек Голова, – Мы организуем мероприятие, приедут иностранцы. Проведем торжественное шествие, ну как День города... кстати он у нас в июле, вот и совместим. Ответственным за проведение буду сам. Милиция... – Начальник городской милиции кивнул, – порядок, понятно, образование... понимаю, что каникулы... совместно с... – Иван Степанович посмотрел на «Гоголя», тот встал, – только не надо кричать на всех углах тихо проведем и всё. Больше сознательной молодежи...

– Когда мероприятие? – спросил начальник милиции

– В это воскресенье.

Встал Петр Сергеевич, не дождавшись поручений, решительно швырнул на стол ежедневник, тот, громким шлепком упал на стол. Присутствующие вздрогнули.

– Я, Иван Степанович, категорически заявляю о своей принципиальной позиции, коммунисты города не пойдут на этот шабаш распутства, а будут активно противодействовать этому сборищу. Это же, как можно..., – возмущенно протянул руки к небу Петр Сергеевич, – Мы соберем митинг против этой провокации...

– Сядь, Петр Сергеевич, – Голова скорчил мину как при зубной боли, – Как коммунист митингуй сколько угодно, в рамках закона, а как мой зам... будь добр... организуй проживание, питание, ну, культурную программу они сами себе организуют. А принципиальная позиция это хорошо, а вот когда церковь открывали, где была твоя принципиальность? В первых рядах? – Петр Сергеевич хотел возразить, но Голова замахал руками не терпящих возражений, – Как-то гибче надо.... Мы, как ни как в Европу идем, к демократии, а там знаете.... права человека, в общем понятно....

«Гоголь» – преподаватель философии и психологии в местном филиале областного университета, организованного отсутствующей Элеонорой Николаевной, на базе, руководимого ею ПТУ горных специальностей. Когда единственную шахту закрыли, да и набор учеников становился с каждым годом все сложнее, Элеонора Николаевна быстро сориентировалась в новых пристрастиях молодежи к знаниям и организовала филиал с модными специальностями, новыми, труднопроизносимыми названиями и, по большому счету, малопригодными в местных условиях. Так, городок стал наполняться молодыми специалистами в области менеджмента, юриспруденции, международной экономики.

Эдуард Петрович, как звали «Гоголя», был в юности довольно прилежным студентом, не имевший особых дарований или наклонностей, вел себя скромно, даже несколько замкнуто. Не участвовал в студенческих бурных попойках, не ходил на дискотеки, шарахался от девушек как от прокаженных. По своей глубокой наивности, искренне надеялся, что к нему, однажды, подойдет красавица и предложит сама с ним познакомиться. Время шло, красавицы все не подходили и комплексы уходили все глубже внутрь Эдуарда Петровича. И даже, будучи уже преподавателем, несколько терялся, когда к нему обращались девушки, его бросало в пот, походка становилась неуверенной. Ему, почему-то, казалось, что все они как-то издевательски смотрят на него. Его это жутко раздражало, он замыкался, уходил в себя и наблюдал за ними только с расстояния. Закончив университет, Эдик попытался закрепиться в области, поменял несколько работ, но случай свел его с Элеонорой Николаевной, энергичной и пробивной бабенкой и он остался в городке.

Совещание у Головы стало для Эдика знаковым. Не то, что его тянуло к мужчинам, нет. Скорее к женщинам, но с ними у него складывалась, вернее, не складывалась история. И он решил, что, назло им, станет геем. Не так чтоб настоящим, а борцом за права гомосексуалистов, общественным деятелем. В воображении рисовалась перспектива одна интересней другой. Он возглавит движение в городке и может, даже пострадает, но потом о нем узнают его заметят... Его будут приглашать на разные мероприятия, будут на перебой брать интервью... И девушки увидят каким он стал знаменитым и сами станут искать с ним знакомства. Но он останется холоден и не приклонен. Эдику даже стало немного жалко девушек. «Но, – успокоил он себя, – посмотрим по обстоятельствам». «Главное, – думал Эдик, – надо проявить себя в организации парада». Решая не откладывать в долгий ящик эту безумную идею, Эдик решил: «Завтра же пойти на прием к Голове и предложу ему свою кандидатуру». Всячески обдумывая варианты предстоящего разговора, Эдик так разволновался, что уснул только к часам двум ночи, ворочаясь и мысленно споря то с Головой, то с родителями.

Утром, какая-то тревожная мысль разбудила Эдика. Он почувствовал себя каким-то резиновым, его, как бы растягивали в разные стороны. Страх общественного мнения, разговор с Головой, держал его в кровати, а мысли, что этим он может изменить свою жизнь и перед ним откроются новые горизонты, тянули вперед. И все же Эдик решился помочь вторым. Он встал, начал судорожно собираться, и с криками матери: «Куда ж ты не емши!» выскочил со двора. Широко шагая по пыльной дороге, он не услышал звук приближающейся машины и, только просигналив, Эдик отскочил в сторону. Мимо пронесся «Газон» Шимкив, обдав Эдика густой пылью. Выругавшись и отряхнувшись, Эдик пошел с еще более решительным шагом. Этот эпизод окончательно рассеял сомнения и «резиновость» Эдика прошла.

«Вечно эти братья», – с досадой и злостью подумал Эдик. Он жутко завидовал братьям за их, такую вот, легкость и ясность в отношении с людьми. И злорадно хотел, что бы у них возникли какие-нибудь трудности.

В приемной Головы уже было человек пять. Просители сидели словно прибитые к стульям гвоздями и подозрительно, недружелюбно поглядывали на Эдика, который с нетерпением ходил взад-вперед по приемной. Предчувствуя, что он может пройти без очереди, довольно

грузная тетенька, с кучеряшками «а-ля Олимпия» на голове, поерзав на стуле, чтобы придать уверенности в голосе и обратить на себя внимание, решительно заявила:

– Вы, молодой человек, будете за вот этим мужчиной, – протянув руку в сторону пожилого мужика. Указанный мужик вздрогнул, недовольно взглянул на тетку, словно она выдала самый главный его секрет. Эдик, понимая, что доказывать о найважнейшесть его миссии, бессмысленно, подошел к секретарше и заговорческим голосом прошептал:

– Передайте, пожалуйста, Иван Степаньчу, что у меня дело по поводу парада.

Секретарша при слове «парада», слегка вздрогнула, но молча кивнула. Посетители несколько вытянув шеи и напрягши уши, пытались понять о каком параде идет речь. Обстановку разрядил вошедший в приемную Иван Степанович.

– Наташа, всех посетителей к Петру Сергеичу и сегодня приема не будет, – развернувшись в сторону своего кабинета чуть не наткнулся на Эдика, возникшего у него на пути.

– Иван Степаньч, Э... это я. Я был у Вас вчера, в связи с... парадом, – сдавленно пролепетал Эдик. Иван Степанович поднял глаза туда, откуда ему доносился голос.

«Гоголь, опять», – подумал Голова и как-то насторожился. Показывая путь в кабинет, Голова и Эдик скрылись за дверями, успев впустить в кабинет зависшую фразу тетки: «Мы тут с самого утра, а он без очереди...» Конец фразы отрезала захлопнувшаяся дверь.

Иван Степанович с кислой физиономией слушал сбивчивый рассказ Эдика о значительности для города предстоящего события, почему-то не смотрел прямо на него, будто боялся обнаружить свою неприязнь к собеседнику.

«Вот проведешь парад и увидишь сколько их», – почему-то вспомнилось Голове, – «Вот они, начинают обнаруживаться», – заключил Иван Степанович. Оставив без внимания пафос и патетику Эдика, коротко и деловито распорядился, поскольку Элеонора Николаевна в отпуске, организовать студентов на мероприятие. Эдик, вроде бы и добился, чего хотел, Голова принял и поручение дал, но как-то не было ощущения, что он «за главного».

«Может зря я высунулся со своим предложением», – подумал с досадой Эдик, – «Мне и так бы это поручили, а так... подумают еще... да, наверняка уже подумал», – Эдик, как-то виновато посмотрел на Ивана Степановича и спросив разрешения, вышел из кабинета.

Центр цивилизации городка находился в районе автостанции. Здесь был и небольшой рынок и несколько мелких магазинчиков. Сюда стекались все последние новости, а потом разползались по всем уголкам городка, несколько изменив, порою, первоначальный смысл. Так городок хоронил, некоторых своих горожан, пребывающих в добром здравии, женили и разводили, ничего не подозревающих супругов, а бывало, что пересказывали историю какого-нибудь сериала, где действующими лицами были их же соседи. Этому источнику информации было больше доверия, чем какому-либо еще, поэтому красочно написанное объявление о предстоящем «мероприятии», было проигнорировано, но по городку поползли слухи о каких-то иностранцах, приезжающих в городок, с целями самыми разнообразными. Кто-то «доподлинно зная», рассказывал о том, что иностранцы приедут выбирать себе жен и для этого, даже, организуют парад незамужних и разведенных жительниц городка. От чего последние пребывали в возбужденном состоянии, не зная, что ожидать от такого внимания к их провинциальным персонам. Некоторые дамы говорили, что смотр будет в купальниках, другие сильно возмущались, досадно понимая, что их шансы в таком виде более чем призрачны. Были предположения, что это религиозные миссионеры, и бабульки, наостривши весь свой слух, все пытались узнать, к каким течениям они относятся.

Так городок, постепенно насыщаясь самыми разнообразными слухами, продолжая жить своей повседневной жизнью, приближался ко дню проведения парада.

– Вот, Лешка, приедут немцы и заберут самых красивых баб к себе в Германию, – с нескрываемым злорадством вещала рыжая Любка, упитанная молодуха, с полной пазухой «женского счастья». В надежде на то, что каким-то образом она таки очарует кого –нибудь

из братьев. Любка заказывала машину чуть не каждую неделю, принаряжавшись, демонстративно не застегивая халат до конца, выпячивала свой бюст, в плотную приближаясь к кому-то из братьев.

– И тебя заберут? А какие это немцы? Что им у нас-то делать? – Лешка, зная заветную мечту Любки, приезжал, раскладывал шланг, засовывал его в люк и, не глуша двигатель, делал вид, что откачивает дерьмо. За что брал символическую сумму.

– Может и меня заберут, – кокетливо поправляя рыжую копну, томно сказала Любка, – ты что не слышал? К нам немцы приедут, будут жен себе выбирать, останутся одни бабки. Любка звонко рассмеялась.

– Это уже они везде были, осталось только к нам приехать, да у нас этого добра..., – рассмеялся Лешка.

– Вот потом не до смеха будет, – загадочно сказала Любка, – не цените вы нас, а для иностранцев мы самая находка....

Лешка, не снимая ухмылку, свернул шланг, сунул в карман деньги, и открыв дверцу машины, крикнул:

– Ну, Любаня, будешь фрау Любхен и наши услуги будут ни к чему, забудешь нас...

Любка глубоко вздохнула, скрестивши руки на груди, и взглядом проводила уезжающую машину.

В кафе у Тофика было уже довольно много народу, как-никак была суббота и многие жители городка традиционно ходили сюда поесть шашлык, выпить пива, обсудить новости, да и просто покалякать после трудовых дней, сменить собственные четыре угла на более большие, пахнущие дымом и жареным мясом, наполненные гомоном и смехом, углы кафе. Леха и Тоха Шимко сидели в компании ребят и девченок за большим столом, пили пиво, громко смеялись, рассказывали всякие небылицы.

– Слышь, пацаны, а чо это делегация к нам едет? Кто знает? Мне сегодня Любка рыжая говорила, вроде немцы... говорит, замуж девок выбирать? – стараясь перекричать общий шум, спросил Леха.

– Да кто, что говорит, – уже с несколько плавающей дикцией ответил, сидящий напротив Лехи здоровый, коротко стриженный парень в камуфляжной майке, с надписью на спине «U.S.Army»

– Я знаю, – крикнула девица, сидящая рядом с Тохой в обнимку, – к нам сёдня в общагу приходил Эдик, препод, сказал, что будет (девица хихикнула) ... как это... Гей-парад. Ну, чо не видели, как мужики в бабских колготах зажигают, намалеванные такие....

– Да, да, – подтвердила подружка, отхлебывая пиво, – нам тоже говорили.

Мужики смотрели на подруг стеклянным взглядом, надеясь, что их разыгрывают, и розыгрыш вроде бы удачный, но что-то в голове не стыковалось и от этого изумление усиливалось. В пору бы рассмеяться удачной шутке, но девицы не подавали и виду. Переглянувшись друг с другом, ребята в один голос на выдохе, крикнули:

– Шооооо!?

– Ленка, тебе больше не наливаем, – сказал Леха, – ты, думаешь мы тут... о? (и постучал ладонью себя по уху) ... типа, лохи? Не-е а. Леха поводит пальцем.

– Блин, я чо? – вспылила Ленка, – думаешь развод? Аха. Завтра в одиннадцать приедут. Говорил, что это очень важное мероприятие, что, мол, даже начальство из области приедет, что мы должны всячески проявлять понимание, а они понять, что мы тоже часть Европы... ну, типа, такие, как они....

– Хрена! – Леха треснул, что было дури по столу, от чего зал притих и на него устремились взгляды посетителей. Понизив голос, Леха продолжал, – Хрена.... Не, ну пацаны, это что?

Все одобрительно закивали головами, поддерживая Леху, Сидели молча, каждый обдумывая новость, запивая ее пивом, дергая головой, как бы говоря: «ни чего себе».

Вечер катился к концу. Посетители, уже изрядно набравшись хмеля и впечатлений, подпевая поющему из динамика М. Кругу, постепенно разбредались из кафе, не твердо ступая на темную землю городка, растворяясь в его улочках, унося частицу общего веселья, теперь уже, в свои четыре угла. Хоть многие улицы не освещались, но движение посетителей всегда можно было отследить по громким крикам и лаю собак. Городок из дневного сна постепенно погружался в сон ночной под аккомпанемент цикад и лягушек из местного пруда. Черный бархат неба, расшитый миллионами страз, огромным куполом накрыл городок и он уснул безмятежным, детским сном...

Звук сигнала Шимковского «газона» разбудил Митрича. Он еще не вернувшийся в действительность, всклокоченный, вскочил с кровати не понимая, смотреть ли в окно или сразу бежать во двор, несколько раз повторив попытку сделать и то и другое одновременно, все же выскочил во двор. Сигнал был требовательным и настойчивым.

– Вы что? Сегодня ж воскресенье... перепутали что ли? В такую рань... что случилось? – кричал Митрич, запуская машину во двор, – Я вас завтра ждал...

– А у нас акция, последнее воскресенье месяца пенсионеров обслуживаем бесплатно, – крикнул Тоха. Чем привел Митрича в ступор, еще не оправившись от неожиданного появления братьев, новая неожиданность.

– Да ну? Ну спасибо рябятки, ой спасибо, – расчувствовался Митрич.

Братья споро развернули свою «установку», как при сдаче норматива опытными бойцами, опустошили яму Митрича и, так же быстро и слаженно, свернулись. Норматив был бы сдан на «отлично». Проехав по поселку, братья наполнили бочку до половины, затем долили воды, покатались по ухабам и ямам, чтобы содержимое бочки приняло однородный характер, поставили машину в тени не далеко от «белого дома», наблюдая за «мероприятием».

Эдуард Петрович, набегавшись по общежитию и домам студентов накануне, совершал контрольную пробежку с утра, призывая и убеждая студентов и абитуриентов в важности их присутствия, неоднократно повторяя, что всех не пришедших ждут серьезные проблемы в будущем.

К часам десяти, на площади перед горсоветом собралось с десятка три молодых ребят и девчонок. Они стояли небольшой толпой, громко обсуждая предстоящее событие, дурачились и смеялись. На крыльце горсовета тоже толпились, но уже «горсоветовские», в основном женщины, нарядно, по-праздничному одеты и начесаны. В конце здания горсовета небольшой группкой, человек пятнадцать стояли бабульки и дедульки, а над ними возвышалась седая голова Петра Сергеевича, гневно жестикулируя, что-то внушал стоящим. Слушатели, как на сеансе массового гипноза, то отрицательно мотали головами, то утвердительно кивали в такт словам Петра Сергеевича. Все городские участники «мероприятия» заняли свои позиции и ждали только гостей.

Большой белый автобус, похожий на яхту, раскачиваясь на ямах, плыл в сопровождении милицейского «уазика». Увидев приближающийся автобус, люди на площади зашевелились. Молодежь перебегала то на одну сторону площади, то на другую. Коммунисты и сочувствующие развернули красное знамя и пару, написанных на ватмане плакатов. «Горсоветовские», спустившись со ступенек к краю дороги, выстроились колонной, которую возглавляли две упитанные дамы, держа на полотенце каравай, и сам Иван Степанович в светлом костюме и шляпе. Автобус остановился напротив «караваянесущих», открылась дверь, и из автобуса вышли с десятка полтора-два молодых людей и три девушки. Автобус освободившийся от брeмени, закрыл дверь и уехал. А на площади плотной кучкой, прижимаясь друг к другу остались стоять те самые гости, приезд которых ждали жители городка с самыми разными чувствами. Гости опасливо и тревожно озирались по сторонам, видимо надеясь увидеть наряженных матрешек, медведей и пьяных мужиков в папах с красным околышком, а горожане, также пытливо вглядывались в гостей, удивляясь, совершенно обычно одетым, ну может несколько ярче,

чем они сами, людям. Пауза зависла довольно длинная, пока Иван Степанович, не подтолкнул, даму, держащую каравай, со словами: «Тамара, давай» и сам пошел навстречу гостям. Он даже повеселел, от того, что увидел, в принципе, обычных людей. Все как-то сделали большой выдох. Коммунисты, оправившись от неожиданности, пели песни и выкрикивали какие-то речёвки, молодежь, ни кем не руководимая, поскольку Эдуард Петрович старался находиться ближе к караваю, сновала беспорядочно по площади, зеваки стоявшие по ту сторону площади, в большинстве женщины, поверившие, что едут женихи, разочарованно, судачили друг с другом и не долго постояв, расходились. Постепенно толпы, кучки, одиноко шатающиеся, сформировались в какое-то подобие колонны и возглавляемая Эдуардом Петровичем и некоторыми парнями из гостей двинулись по улице. Сам же Иван Степанович, в виду того, что не встретил никого из областного начальства, решил не присоединиться к демонстрации, а, немного пройдя, развернулся и пошел в здание Горсовета. Уже готовый скрыться в распахнутой двери, Иван Степанович заметил несущейся по улице, через площадь, братьёвый «газон». Он проводил его взглядом и, не отпуская дверь, смотрел ему вслед. Какое-то нехорошее, тревожное предчувствие вдруг охватило его. Он замер на месте. Что его особенно насторожило, так это то, что один из братьев, он точно не знал, кто из них кто, сидел на бочке задом на перед и держал в руках шланг.

«Вот шалопаи», – промелькнуло в голове Ивана Степановича. Он разжал пальцы, тяжелая дверь плавно закрылась, Иван Степанович не отрывая взгляда от машины, вышел на проезжую часть и стал наблюдать за происходящим.

Колонна, между тем, удалялась, ведомая Эдиком, который гордо шагал впереди, держа в руках радужный флаг. «Газон» благополучно обогнал, плетущийся сзади демонстрации милицейский «уазик», колонну и, проехав вперед метров тридцать, остановился. Эдуард Петрович, видя сидящего на бочке «брата», замедлил шаг.

– Поздравляем с праздником! – крикнул Тоха. Из шланга полилась вонючая жижа. Он размахивал им из стороны в сторону, стараясь залить всю ширину улицы. За несколько секунд образовалась приличная лужа, а горячий асфальт ускорил испарение. Резкая вонь стала быстро наполнять воздух. Колонна с визгом и криками кинулась назад, наткаясь на «уазик», на подножке, которого стоял начальник милиции и махал руками, чтобы освободили проезд. От злости и отчаяния Эдик бросил флаг и понесся за братьями.

– Сволочи! Ублюдки! – кричал Эдик. Он бежал за машиной, пробегая через лужу, поскользываясь, теряя равновесие, но не падая. А широкая улыбка Тохи, сидящего на бочке усиливала свирепость и, вместе с тем, отчаяние Эдика. Пробежав некоторое время, поняв всю безнадежность этой погони. Он остановился, присел, стараясь отдышаться, увидел свои туфли вымазанные в дерьмо и побрел на обочину дороги вытирая их об траву. Мимо промчался «уазик», вселяя в Эдика надежду в неотвратимость наказания. Обида душила его и все надежды и мечты утонули, казалось, в этой зловонной луже.

«Сволочи, сволочи», – повторял Эдик, в отчаянии разбивая траву ногами, представляя под ними братьев, воплощение причины всех своих бед.

Городок еще неделю, во всех подробностях, смаковал историю с «мероприятием», наперебой рассказывая, что было, а еще красочней, чего не было, дорисовывая картину выдуманными смешными деталями. Иван Степанович, в силу своего отношения к параду, не жаждал расправы над братьями и они, отделавшись штрафом за «несанкционированный слив нечистот в не предназначенном для этого месте», стали героями. Слава братьев и их безнаказанность, да и нелепое, смешное поведение самого Эдуарда Петровича, окончательно добило его и он уехал в область, растворившись в многочисленном мегаполисе, где на него не показывали пальцем и не дразнили мальчишки, не хихикали, проходя мимо, девушки, где не видел, полные жалости и тоски, глаза матери...

Июль 2012

Деточка

Туристическое бюро «Fly Travel» (с переводом была неувязочка, то ли это «Путешествие мухи», то ли «Путешествие Мухой», но Жанне это словосочетание казалось привлекательным) находилось в центре, где по соседству сверкали мраморными полированными витринами дорогие бутики, представительства различных иностранных фирм. Место было выбрано с претензией на респектабельность все той же Жанной. Спросите, кто такая Жанна? О! Жанна, это директриса этого самого «Мухопутешествия», где и работал наш герой, Славик Потапов, тридцати четырех лет отроду, с виду обычный мужик, каких в Москве, не считая гастарбайтеров, пропасть. Но это с виду. А вообще-то он, что тут долго говорить, муж Вероники Потаповой, подруги и совладелицы этого бюро. Это Вероника с Жанной все замутили. Одна руководила на месте, а другая разъезжала по дальним странам, заключала контракты, выбирала отели, маршруты. А Славик, что Славик, он числился менеджером. Должность эта его вполне устраивала, руководить он, боже упаси, не хотел и рабочие будни проходили спокойно, без надрыва, что позволяло думать о своих скромных увлечениях. Длительное отсутствие жены компенсировалось четким и строгим контролем со стороны Жанны. Вот тут момент. Жанна сама вызвалась контролировать Славика, когда, так вышло, пару раз... перепихнулась с ним. Славик не возражал. Он как-то даже привык, считая женами одну и вторую.

Проходя на работу обычным маршрутом, Славик всегда задерживался возле витрины музыкального магазина. Его мечта стояла на подставке, отсвечивая лаковым корпусом с эротичными изгибами. Её звали необычно: «Fender SongWriter». Стоила она не дешево, чтоб так сразу – раз и купил. Еще в юности он играл в группе. И еще тогда он мечтал об «акустике», такой вот «акустике». Затем, когда пацаны выросли и разбежались, Славик играл для себя, придумывал гитарные этюды, подражал известным акустическим корифеям. Постояв пару минут, полюбовавшись на мечту его сердца, Славик приходил в офис и размеренная, привычная обстановка рассеивала волнительные мысли о гитаре.

– Привет, девчонки, – Славик вошел в офис, – Жанны нет? Он заговорщицки кивнул в сторону кабинета директора.

– Еще нет, – полупшепотом произнесла Даша, одна из двух девушек сотрудниц бюро.

– Ну и хорошо, – Славик сел за свой стол, включил компьютер.

День начинался как обычно. Шахматная партия, отложенная вчера, была безнадежно проиграна. Он переключился на почту. Вероника писала, что соскучилась и еще недельку задержится в Испании. Славик ответил, что у него все хорошо, скучает, ждет. Двери офиса звякнули «фен-шуйской» дребеденью и в зал влетела Жанна. Эффектная брюнетка, высокий рост, которой, дополняли высоченные шпильки.

– Здравствуйте, – Жанна окинула взглядом сотрудников, внимательно остановилась на Славике. Девушки выпрямили спинки, защebetали – «здравствуйте Жанна Витальевна» «Сейчас начнет...», – перехватил её взгляд Славик.

– Потапов! Голубчик, я просила вчера съездить в «Глобус-Аэро», какие результаты? Ты ездил?

– Да..., – растянул Славик.

– И что? Они согласны возмещать?

– Я не смог попасть к Генеральному...

– Я понимаю, что ты ничего не решил? – Жанна сделала ударение на «ты», – я должна поехать и решать все сама? Потапов?

– Я съезжу, съезжу...

Жанна прошла в кабинет, уверенно и громко цокая шпильками по кафельному полу.

«Как можно на таких каблуках водить машину?» – мелькнуло у Славика.

Сотрудники переглянулись. И Славик, вздохнув, встал из-за стола. Он уже направился к выходу, когда дверь в офис медленно открылась и нерешительно, не проходя внутрь, заглянула девушка.

– Вы работаете?

– Да, да, проходите, присаживайтесь, – Славик резко изменил маршрут, – вот сюда. Он придвинул стул.

– Хотите отдохнуть или посмотреть достопримечательности? Азия, Европа или Америка? Есть любимые курорты?

– Я впервые за рубеж... не знаю... хотелось не дорого..., – робко, извиняющимся тоном начала девушка.

Славик почувствовал себя выдавшим виды, искусственным туристическим знатоком.

– Ну, можно начать с простого, Анталия или Бодрум, на какую сумму Вы рассчитываете?

– Тысяч двадцать...

– Прекрасно, могу предложить Бодрум, четыре звезды, питание, пляж, аттракционы, все включено. Советую. И достаточно комфортно и не дорого. Будем оформлять? – Славик приготовил бланк.

– Ой, я только узнать, – смутилась девушка.

Славик смотрел в её огромные серые глаза и думал, что она, то воплощение идеала, который рисовал себе он, задолго до Вероники. По-детски припухлые щеки, светлая с платиной челка, слегка вздернутый носик и голос... мягкий, бархатный. Не было в нем надменности, какого-то превосходства, какое было у отдельных фифочек, посещавших бюро, знавших цену себе и удваивая её за счет высокомерного, надменного общения с «обслуживанием», подобной Славику. Он просто застрял в этих глазах, практически сразу, как только увидел её.

– Вас это ни к чему не обязывает, мы просто заполним ваши данные, можем даже зарезервировать, – Славик, пытался узнать, её имя, кто она, – как вас зовут?

– Лена... гм. Смирнова Елена Алексеевна...

– Год рождения?

– Восемьдесят шестой...

– Семейное положение? Замужем? – Славик совсем обнаглел.

– Это тоже надо? Нет, не замужем...

– Ну, вы с кем-то едите или сама? – Славик с нетерпением ждал ответа.

– Сама...

Внутри все ликовало. Оставшийся вопрос, Славик задавать опасался, боясь раскрыть свой непрофессиональный интерес, но он вертелся на языке так, что вылетел, не дожидаясь подходящего момента.

– И... ваш телефон?

– Записывайте..., – Взмахнула ресницами девушка.

– Я вам позвоню, можно? Узнаю, когда у Вас будет отпуск, когда готовить билеты, хорошо?

Последнюю фразу, Славик произносил под внимательным взглядом, вышедшей из кабинета, Жанны.

– Хорошо, – простодушно ответила Лена.

Жанна провела сканирующим взглядом по посетительнице, перевела взгляд на Славику и, заметив на его лице неподдельный интерес, натянула дежурную улыбку.

– Вячеслав Сергеевич, Вы разве не уехали? – обращаясь к Славику, пристально разглядывала девушку.

Лена почувствовала неловкость.

– Извините, я Вас задержала? – засобиралась уходить она.

– Нет, нет, все нормально, – Славик недоброжелательно взглянул на Жанну.

Девушка вышла. Славик засуетился, хлопая по столу, ища ручку под бумагами. Схватил небольшой кейс и направился к выходу.

– Потапов! Это не твой вариант, – крикнула Жанна вслед.

– Ты о чем? Просто я... стараюсь быть вежливым с клиентами. Или надо было нахамить? – не очень убедительно произнес Славик.

– Ну, ну, – Жанна скрестила руки на груди, – потом поговорим.

Выскочив на улицу, Славик вертел головой, ища Лену среди прохожих, но её не было видно.

«Вот же стерва, просекла. Может позвонить... черт, номер остался на столе... не возвращаться же», – с досадой хлопнул по ноге и пошел, склонив голову.

Дорогой до стоянки, Славик шел, всматриваясь в прохожих девушек, надеясь увидеть Лену. В голове звучал её голос. Перед глазами было её лицо. Он сел в машину и отмахнулся, как от наваждения. В «Глобусе» ему опять сказали, что нет Генерального и Славик, с тяжелым чувством предстоящего разговора с Жанной, возвращался назад. Он даже знал наперед, какими словами она его будет крыть, мысленно придумывал ответы. Врать не хотел, но и бороться с чужими людьми, доказывать свою правоту, не хотел еще больше. Поэтому Жанна казалась ему меньшим злом и он, добровольно подставлял шею под топор, четко понимая, что он не опустится.

– Покричит и успокоится, – Славик поставил машину на сигнализацию и направился в офис.

Он, опять проходил мимо магазина с гитарой и в мозг ему залетела одна удивительная мысль. Теперь почему-то гитара у него ассоциировалась с Леной. Он опять остановился у витрины, представляя Лену вместо гитары. Вздохнул и торопливо пошел, внезапно решив, что сейчас он позвонит ей, чтобы услышать, хотя бы, её голос.

– Ну что? – Жанна завела Славика в кабинет, – что говорят в «Глобусе»?

По обреченному виду Потапова, ей все было понятно. И она не стала говорить ни о его никчемности, инфантильности, что он живет за счет жены и её, и что, что, что...

– Печально, – Жанна помотала головой, как бы не соглашаясь с тем, что видит перед собой, – печально Потапов. Что мне с тобой делать? Не хочешь работать – увольняйся. Я не понимаю, чего ты дожидаешься, что я сама тебя уволю?

– Ну, так увольняй, – Славик нагло усмехнулся.

– Ты дурак, Слава! Кому ты нужен? Кто будет разбираться в твоих душевных метаниях? Он еще с девушками заигрывает, блин, вообще красавец. Думаешь, эта, – Жанна через себя показала на стену, – курица будет твои творческие сопли утирать? Во!

Тонкие пальцы с красивым дорогим маникюром скрутились в фигу и оказались возле носа Потапова.

– Да пошла ты..., – Славик откинул фигу, – сама ты курица.

– Ха-ха-ха... Это вся твоя благодарность? Да... Если у тебя зачесалось в одном месте, почеси, но не головой, сломаешь. Одни твои яйца никому не нужны...

– За что благодарность? Что трахалась со мной даром?...

Звонкая пощечина смазала продолжение. Славик притих.

– И за это тоже. Не лъсти себе, что ты обалденный любовник, рядовая серость с членом. Я, может, пыталась пробудить в тебе мужика, способного на поступок. А ты только в жилетку плакался, что тебя Вероника не понимает. Её терпению надо памятник поставить, прожить с таким десять лет...

Славик, молча, развернулся и направился к двери.

– А эта курочка, тихоня, она так мозг вынесет... Знаю я таких...

Потапов хлопнул дверью.

Славик два дня не находил себе места. Телефон, который дала Лена, дежурно отвечал, что абонент не доступен. Но Славику, даже, голос этого робота был приятен. Даша попросила сходить в банк, заплатить за какую-то ерунду. Он охотно согласился прогуляться. Ближайшее отделение банка, находилось в следующем квартале, но Славик решил пройти дальше и набрел на небольшое отделение со скромной вывеской и отделкой. Возле касс никого не было, он подошел к одной из них.

- Мне надо заплатить... – пытаюсь просунуть голову, начал Славик.
- У меня инкассация, в другую кассу, – буркнула кассирша и захлопнула окошко.
- А там никого нет, – домогался Славик.
- Шас придет, – глухо донеслось из-за стекла

Славик стоял, разглядывая помещение, полусонного охранника, расплывшегося на стуле, с профессиональной способностью спать с открытыми глазами. За стеклом обычная кассовая обстановка. Только на машинке для пересчета купюр возвышалась пачка, видимо приготовленная для счета.

«Вот бы такую пачку...» – Славик барабанил пальцами по окошку и оно чуть-чуть приоткрылось.

Славик еще раз взглянул на охранника. Безумная мысль вместе с гулкими ударами сердца, да такими, что Славику казалось, что он подпрыгивает в такт всем телом, влезла в него холодной противной жабой. Пока голова решала, делать или нет, рука сама открыла окошко. Славик протянул руку и снял с машинки всю пачку. Смотреть на охранника он уже не мог, казалось, что у головы приставлен ствол и если он повернется, ему разнесут череп. Он ногтем зацепил окошко и прикрыл его. Немного согнув пачку, просунул её в рукав. Постоял еще чуть-чуть.

– Я... пойду, пожалуй, – Славик кивнул в сторону выхода, не веря, что кассирша его слышит.

– Да она сейчас, скоро будет, – прогудело в ответ, – Лен! Ты куда там пропала? Тут клиент.

Славик не стал дожидаться и вышел на ватных ногах. В рукаве, казалось, была бомба с часовым механизмом, отсчитывая последние секунды и было желание подойти к урне и вытряхнуть оттуда все, что есть. Он шел прочь, не понимая куда, подальше отсюда. Пальцы, прижавшие край рукава, свело судорогой. Славик глазами искал место, где можно было бы вытащить деньги и переложить их. Ему казалось, что каждый встречный прохожий сверлил глазами его руку, повисшую, как протез и как будто говорили: «А... у тебя там что? Деньги?» Он зашел в какой-то подъезд, оглянулся, за ним никто не гнался. Немного успокоившись, он вытащил пачку из рукава и засунул её во внутренний карман куртки.

– Что там, Катерина Ивановна, за пожар? Отошла на пять минут. Кто меня тут ждет? Это была Лена.

– Мужчина, тут, хотел заплатить, ушел, наверное, не стал ждать. Такие все нетерпеливые, если надо подождать больше пяти минут, уже не могут, теряют сознание. Вот раньше, очереди были, часов по пять стояли за барахлом и ничего.

Лена прошла в свою кассу, взгляд упал на машинку.

– Катерина Ивановна! Тут же деньги лежали?! – со слезами в голосе спросила Лена.

Пожилая кассирша, с очками на носу, заглянула к ней в кабинку.

– Ты что деньги тут оставила? Вот же растяпа. И сколько там было?

– Не знаю, я не досчитала... тысяч сто пятьдесят, – срываясь в плач, Лена выдвигала ящики стола.

– Ну, окошко же закрыто, куда они могли подеваться?

Лена потянула за ручку и окошко свободно открылось.

– Ну, всё, их украли... кто приходил? О боже...

– Так ты и окошко не закрыла? Ну ты вообще... Это мужик тот. Мне он сразу подозрительным показался. Ну как же ты так могла. О чем ты думала только? Может в милицию? Саша! Саша!

Охранник подскочил от неожиданности.

– Саша, иди сюда, – позвала Катерина Ивановна.

Охранник подошел, наводя резкость, после дрёмы.

– Что тут у вас?

– Нас обокрали, – резюмировала Катерина Ивановна, – надо милицию вызывать.

– Как обокрали?

Лена, с комментариями Катерины Ивановны, сбивчиво рассказала произошедшее.

– И что милиция будет делать? Не надо было щелкать, деньги на видном месте держать, окно закрывать. Теперь сама будешь возмещать, – охранник набирал телефон своего шефа.

Лена упала на руки и заплакала.

Потапов пришел в офис каким-то дерганым, рассеянным, на вопрос Даши, отправил ли он деньги, пробурчал что-то не внятное.

– Так я не поняла, ты деньги перечислил? – Даша подошла к Славику.

– Там очередь была, сходи сама, – он потянулся в карман за деньгами, затем отдернул руку, – я потом отдам.

– Ты что, потерял деньги? – Даша изумленно смотрела на растерянные движения Потапова.

– Нет, просто... я сейчас..., – Славик выскочил в туалет. Оттуда пришел через минуту, держа в руках деньги и положил их перед Дашей. Она посмотрела на него, пожала плечами.

Суммы, спертой в кассе, хватало и на Славикову «мечту» и, даже, еще с дополнением. Если с основной мечтой было все ясно, то вот это «дополнение» ему рисовалось не менее заманчивым. Он решил купить две путевки в Бодрум, одну подарить Лене, под предлогом какой —нибудь акции от фирмы, а другую... а на другую поехать самому и как бы случайно встретиться с ней там... Весь в предвкушении реализации своей идеи, Славик набирал, выученный на память номер телефона, но там, по-прежнему, абонент находился вне зоны доступа.

Дождавшись конца рабочего дня, специально, как человек, мечтающий налопаться деликатесов на дне рождения, голодает, Славик, нарочито не спеша вошел в магазин и попросил показать ему гитару. Продавец, видимо уже изучивший физиономию Славика, ежеутренне пялившегося на вожделенный объект, с нескрываемым презрением, мол, что тебе показывать, когда у тебя все равно нет денег на такой инструмент, достал гитару. «Ух, ух, ух...», – стучало сердце, передавая пульсацию по всему телу. Он бережно взял гитару за гриф, провел ладонью по деке, оставляя следы от пальцев на полированной поверхности, которые исчезали на глазах. Он держал в руках свою мечту. Он был бы счастлив, если бы не гадкое чувство прозревшей совести, отравляющее вожделенное мгновение.

– Вы посмотреть или хотите купить? – не без иронии спросил продавец.

– Купить..., – Славик с наслаждением дождался, когда ироничная ухмылка продавца превратилась в удивление и вытащил пачку денег, – с футляром.

Звонок телефона застал Потапова за рулем. Стоящий в пробке, Славик мечтательно гладил футляр гитары, лежащий на переднем сидении.

– Здравствуйте, Вы мне звонили, у меня восемнадцать пропущенных вызовов.

– Я? – не сразу сориентировался Славик. Он посмотрел на номер телефона и опешил, звонила Лена, – да... Лена, это вы?! Да я Вам, который день пытаюсь дозвониться, все «вне зоны», да «вне зоны»...

– У меня телефон сломался, а Вы кто?

– Это из турбюро... Славик. У меня хорошая новость...

– Вы извините, но я не буду брать путевку, я... у меня на работе проблемы, так, что извините...

– Лена! Лена! Подождите, давайте встретимся, я Вам все расскажу, а?

– Я не знаю... я...

– Давайте я заеду к Вам, где Вы работаете? – не сдавался Славик.

– Нет на работу не надо, давайте встретимся... после, ну... в центре...

– В сквере на Пушкинской, устроит? В шесть?

– Хорошо, в половине седьмого, я работаю до шести.

«Поперло...» – ликовал Славик, – «гитара, бабки, Лена...».

При мысли «бабки» он немного смутился, но мысль «Лена» накрыло это смущение теплой бирюзовой волной Эгейского прибоя. Мечтательно паркуясь, Славик довольно близко припарковал свою машину к машине справа. Распахнул дверь, чтобы выйти. Резкий сигнал, стоявшего рядом черного «Крузера» заставил оглянуться. Окно приоткрылось.

– Слышь, ты бы еще на крышу мне поставил, – голос из «Крузера» показался Славику знакомым.

Он завел машину и переставил подальше. Вышел и кивнул, извиняясь в сторону приоткрытого тонированного окна.

– Потап! Вот так встреча, – из «Крузера» вылезал его институтский дружбан Станислав Береговенко, – ну ты попал, трезвым от меня не уйдешь.

– Стас! Я уже весь дрожу, думал братва какая-то.

Они обнялись. Стас большой, как сказали бы, представительный мужчина, на фоне subtilного Потапова казался огромным медведем, заломавший незадачливого охотника.

– Так... это надо отметить, – Стас осматривал посадочную площадку.

Друзья зашли в кафе по соседству. Если бы зашел один Славик, наверное, никто бы не заметил, а Стас сразу заявил о своем присутствии.

– Девушка! Коньяк, пожалуйста!

– Какой предпочитаете? «Мартель», «Камю», «Метакса», армянский? – девушка приветливо улыбалась.

– Не-не. Поддерживаем отечественного производителя. Кизлярский есть?

– Да.

– Во... по сто... лимон и по кофейку. Ты будешь что? – Стас обратился к Славику.

– Нет.

– Хорошо, – девушка ушла.

– Ну, брат, рассказывай. Где ты, как? Живешь с Вероникой? Детей еще нет? Как там Жанка?

– У меня все так же. Мы с тобой два года не виделись, и ничего не изменилось. Вероника в командировках, Жанна тут командует. Дети... Да как-то не до этого.

– Ты меня удивляешь. До чего, до этого? У меня третий намечается, а ты все «не до этого». А чего Жанна не ездит или ты?

– У Жанны ребенок, а я... да ну, мне не доверяют.

Принесли коньяк. Стас поднял фужер, чокнулся с Потаповым и опрокинул залпом все содержимое. Крякнул от удовольствия. Славик слегка пригубил.

– Ну а ты как. Вижу в шоколаде. Как там бизнес?

– Да что бизнес, мелочи, – Стас протянул удостоверение. «Советник Председателя правительства РФ», – так что растем.хлопотно, конечно, перелеты, переезды, но статус, старик...

Стас рассказывал о своем новом назначении, важности своей работы.

– Комунарус... – подытожил Славик яркую деятельность своего однокашника.

– В смысле, коммунары? При чем тут коммунары? – Стас выпрямился и помахал девушке рукой. – повторите, пожалуйста.

– Помнишь, «Кому на Руси жить хорошо»? Вот таким, коммунарам, спиногрызам...

– Это ты сейчас, типа, оскорбил? – Стас опрокинул принесенный фужер.

– Констатирую. А тебе за рулем это мешать не будет, – Славик показал на пустой фужер.

– Мне? Не будет, – Стас всем телом облокотился на столик и придвинулся к Потапову, – завидуешь? А тебе кто мешает? Ты же на курсе в отличниках ходил, спроси сейчас дифференциальный закон Ома, ты ж ответишь... а я? не-а. Москвич, по общагам, клоповникам не терся, от ментов не убегал, в обезьянниках не сидел. Все на блюдецке, то мама, дай бог ей здоровья: «Славик, деточка, шапку надень». То Вероника: «Славик, деточка, вот тебе фирма, работай, а сама буду по командировкам мотаться, а что б скучно не было, Жанночка подменит». А девчонкам из провинции легко было здесь пробиваться? И кому же плохо живется? Детей не хочешь, чтобы внимания не лишили? А Веронику это устраивает? Бабе тридцать два года. Ты зачем живешь, Слава?! Деточка?! Вечно не понятый гений! И не поймут, потому, что сам ни хрена не знаешь, что хочешь!...

– Да иди ты! – Славик встал, вытащил из кармана украденную тысячу и положил на стол.

– Давай, давай, деточка, – Стас допил фужер Славика, – коммунары... ишь... У Жанны ребенок?! А ты кто?!

Хмель догнал Славика, когда он уже подъехал к скверу. Лены еще не было. Решил подождать в машине. Достал гитару, долго гладил, стал настраивать. Вдруг вспомнил про цветы. Когда пришла Лена, Славик сидел на скамейке, держа футляр с гитарой и цветы на коленях. Мысленно продолжал спорить со Стасом.

– Здравствуйте, – Лена настороженно смотрела на цветы, гитарный футляр.

– Здравствуйте! – Славик от неожиданного появления Лены чуть не уронил гитару, – это Вам.

Он протянул цветы.

– Спасибо, а по какому случаю?

Ответ Славик не придумал, просто смотрел в эти глаза, несколько хмельным взглядом и думал: «Просто влюбился, по какому еще случаю. Просто давно мечтал о такой, вот и все. Неужели это не повод?»

– Вы что-то хотели мне сказать не по телефону, – Лена все никак не могла понять логику их встречи.

– Что хотел сказать... хотел Вас увидеть и еще... подарить путевку.

– Вот так? Сразу путевку? А гитара? Поздравительный туш будете играть при вручении?

– Нет, гитара... это... А хотите я Вам сыграю? – он клацнул тугими застежками и достал инструмент.

Лена продолжала стоять и недоуменно наблюдать за Славиком. Он сделал несколько аккордов, пробежал по струнам, вслушиваясь в гитарный строй, подтянул пару струн и тихо, подкрадываясь стал играть композицию из Стинга. Доиграв до конца, поднял голову, надеясь увидеть восторженные глаза слушательницы. Лена, действительно была удивлена.

– А вы талант, я не слышала вот так живую, в сквере... Здорово!

– Что я... тут инструмент... сам играет. Давно мечтал о таком. И вот случай улыбнулся, – коньяк развязал Славика язык и он выдал сокровенное. Боявшийся признаваться самому себе в мелком, постыдном поступке, он выложил Лене историю происхождения денег, – кассирша, гримза старая, выложила деньги на самом видном месте... а что? Если они валяются...

– Так... это... ты?! Это я!!! Я – старая гримза!!! Я!!! – она наотмашь саданула букетом Потапову по щеке и бросила в него. Славик, не ожидавший такого оборота, испуганный, положил гитару на скамейку. Сам встал, протягивая руки к Лене.

– Я не знал... Вы... я не хотел...

– Козел! – она оттолкнула его от себя и быстрым шагом, прикрывшись ладонью, что бы скрыть слезы, пошла прочь.

Славик, не удержав равновесия, грохнулся на «Fender SongWriter». Гитара издала короткий, пронзительный звук оборванной струны в аккомпанементе с треском полированной деки, известив своего владельца об утрате. Он встал, обернулся, посмотрел на гитару.

– Комунарус... а ты говорил....

Ноябрь, 2012г.

Детское Ностальгические миниатюры

Банан

Что такое банан, вам ответит любой пятилетний ребенок. Да вкусно. Но так привычно и ничего необычного в этом экзотическом фрукте нет, ну как картошка в те времена, «теперь почти былинные». Лет шесть мне было. Гостил я у тетки своей, в Москве. Жили они тогда на Хорошовке. Тогда это была окраина Москвы. В маленьком доме, построенном пленными немцами, с кухней на несколько хозяев. Обычно так, как все.

Братец мой двоюродный, хоть и был на год младше, но столичная высокомерность к «понаехавшим» уже тогда пробивалась сквозь неокрепшую детскую психику. Тетя Наташа, как могла пыталась сгладить возникающие конфликты и, как гостю, мне доставались её радушие, забота и внимание, а Мишке шлепки, подзатыльники и профилактическая посадка в темный туалет. От чего он, еще пуще обижался на меня, капризничал и за это получал еще больше.

Принесла, как-то, тетя Наташа невиданный и неслыханный мною, до селе, фрукт. Поскольку знания о деликатесах и экзотических товарах черпались мною исключительно из «Книги о вкусной и здоровой пищи», 1956 года, ничего подобного там я не встречал. А, поверьте, изучена она была до дыр. Протянула, говорит:

– На, племянник, попробуй, такого у вас никогда не будет.

Зеленая колбаса, похожая на огромный гороховый стручок, почти не пахла. Я по наивности взял и откусил, прям так, с кожурой... Тетка плохого ж не даст... Горькая вяжущая гадость... Я раскрыл рот и наклонился. Кусок, так и не удостоившийся быть съеденным, вывалился на землю. Сказать «спасибо» мешал вязкий, оставшийся во рту привкус.

– Ну что ж ты! – запрочитала тетя Наташа, – его ж почистить надо.

Мишка злорадно катался от смеха. Она очистила оставшийся кусок, но он уже ничего не мог изменить и поправить в моем отношении ко всем бананам, вместе взятым. Да и какие это были бананы... давеча не то, что ноноче, это они сейчас желтые и сладкие, да еще и выбрать можно, а тогда... Тогда хваталось все, что выбрасывалось, именно выбрасывалось. И бананы были вечно зелеными, если их вообще-то кто-то видел. Зато Мишка, со знанием дела, почистил фрукт и демонстративно стал чавкать передо мной, закатывая глаза от удовольствия, которого, может он и не испытывал, но так старательно хотел показать.

Видимо с тех далеких времен я не испытываю тяги к «бананово-лимонным Сингапурам». А виной всему...неправильно съеденный банан.

Крокодил

Не буду повторять, уже надоевшие утверждения, что зима в наших широтах была совершенно другой, что вина всему технический прогресс и глобальное потепление. Соглашусь. Да, другие были зимы. Скрипящий под ногами снег, искрящийся на солнце, что больно было глазам. Деревья в инее, а среди веток два ярко красных пятна – снегири. Багровый закат, закрепленный морозом под двадцать, раскрашивал снег в марсианские краски. Языки, прилипавшие к санкам. Сугробы в человеческий рост, вернее в рост тех «человеков», которые возились в этих сугробах, роя в них ходы и лабиринты. Удивительным было, что снаружи такой сугроб со временем покрывался толстой и твердой коркой, что можно было ходить сверху, не боясь провалиться, ну а если такое случалось, то вызывало всеобщее ликование и смех. Такими мы себе представляли медвежьи берлоги. Туда натаскивали, уже выброшенные, новогодние ёлки, сено и устраивали свои, детские берлоги.

Не до смеху было взрослым, которым приходилось восстанавливать пути через замеченные дороги, расчищать и убирать тонны снега. Тогда пускали бульдозер и толпа мальчишек бегали за ним, пытаясь привязать санки, но он часто останавливался, водитель вылезал из кабины, орал благим матом, мы разбегались, а потом опять бежали... Но как-то намело очень много снега и, видимо командир части, позвал на помощь серьезную технику. Это была роторная снегоуборочная машина. Выглядела она странно, все равно, что если скрестить обычный грузовик с комбайном. Она заглатывала сугробы своей пастью, вместо зубов, в которой был огромный шнек. И выплевывала на сторону огромные комья снега. Кто-то из пацанов её метко окрестил «крокодилом», видимо, из-за зеленого цвета или из-за её прожорливости.

– «Крокодил» едет! – крикнул кто-то и толпа побежала смотреть, как это чудовище будет поглощать заносы.

Не помню, кому пришла идея, но как-то её все подхватили: «А давай под снежки». «Снежками», «незапомненный» мною, пацан называл те комья снега, вылетающие из трубы чудовища. Все побежали с радостными криками. Ну кто же мог предположить, что белые, с виду легкие, комья, окажутся спрессованными тяжелыми глыбами. Я один из первых подбежал к падающим «снежкам» и одним из первых был сражен первой же, попавшей на мою спину, глыбой. Засыпанный снегом, с болью в спине, я барахтался, чтобы выбраться из-под лавины таких же глыб, под дружный хохот пацанов, наблюдавших в сторонке, среди которых был и он – тот, которого я не запомнил...

Моя любовь – Венгрия

Пыльная буря начала 69-го года покрыла все вокруг черной, всепроникающей пылью. Она была кругом: на зубах, ресницах, волосах. Любовно выложенная вата между окнами, украшенная дождиком, мелкой резанной фольгой от конфет или кусочками разбитых елочных шариков, стала похожей на окопный земляной вал. Покрытые снегом поля, напоминали негативный снимок, с редкими, выделяющимся на черном фоне белыми пятнами Спасения не было. Говорили, что это следствие, распаханных при Хрущеве целинных земель Казахстана.

Мы с матерью жили на «чемоданах», ожидая вызова от отца, получившего назначение в Венгрию. Его сменщик уже оккупировал часть нашей квартиры своими вещами и я украдкой, чтобы не видела мать, ходил в комнату, где они были сложены. Тетради на пружинках, шариковая ручка, о которой знал только по слухам, карандаши, пахнущие совершенно новыми, возбуждающими воображение о загранице, запахами.

Какая она Венгрия?

Новая школа, новая квартира, другой, совершенно другой, воздух, каждая мелочь обращала на себя внимание. Необычные чернила, в необычных чернильницах, вкус хлеба, чужого, заграничного, печка, стоявшая в комнате, от которой шло тепло, расплавляя волю к урокам, сбивая в сон. Постепенно все новое переходило в привычное, только долго не мог привыкнуть к реву самолетов по ночам. Только, через месяца три перестал обращать на это внимание.

Наступил апрель. Территория гарнизона была засажена множеством фруктовых деревьев и от их цветения стоял дурманящий аромат. Приближался День рождения Ленина. И нас, третьеклассников, должны были принять в пионеры. Предстоящий праздник омрачался отсутствием у меня галстука, поскольку не продавались в магазинах, а кроить из какой-нибудь тряпки не хотели, праздник все-таки и галстук должен быть атласным. Но нашлась добрая душа, Людочка, к которой я тайно симпатизировал и писал записки, оставляя их в тайниках. Может она и догадывалась кто ей пишет, но решила держать интригу до конца. Она вскоре уехала в Союз, оставив на память пионерский галстук.

День принятия в пионеры был обставлен торжественно и помпезно, и вся обстановка звучала в унисон с тем переполняющим, перехватывающим дыхание, чувством радости, которое больше никогда не испытывал. Вообще, вся пионерская жизнь протекала здесь по-особенному, без формализма и нарочитой идеологизации. Огромные, высотой в метра три, пионерские костры, сбор металлолома и макулатуры, «Зарница», соревнования, все проводилось с каким-то неподдельным энтузиазмом и вдохновением. И не большего было чувства гордости и причастности к чему-то грандиозному и великому, когда через гарнизон проходила колонна солдат, следующая на развод караула, под музыку «Прощание славянки». При первых же звуках оркестра, мы бросали все свои занятия и мчались к дороге, по которой шла колонна.

Несколько повзрослев, появились и другие заботы и увлечения. Бегали в кино, которое крутили на открытой площадке солдатского клуба. Там садились почти под экран на землю, временами подбирали брошенный кем-то окуроч, курили. А после фильм, как правило на военную тематику, прибежал домой брал черный ржаной хлеб, который получали по карточкам доп. питания, открывал консервы в томате и наворачивал, представляя себя на передовой, в минуты затишья боя.

Жила по соседству со мной девочка Марина, обычная, в общем, девчонка. Но была у неё одна особенность, не по возрасту интересующаяся, устройством противоположного пола. Не то что это меня донимало, но часто вводило в краску, особенно, когда она исследовала половую принадлежность кота, стимулируя ему эрекцию. А однажды гуляя с ней, наткнулись на маковое поле. Находясь под впечатлением от «Волшебника Изумрудного города», забежали на середину, легли в маки и ждали, когда мы уснем, но сказка осталась сказкой. Потом, когда мы стали еще

взрослей, уже в пятом классе, дружили втроем, я, Марина и Игорь, с которым тренировались целоваться, надеясь, что наши тренировки не пройдут даром и нам удастся поцеловать Марину, о чем мы в тайне мечтали.

Конечно, тогда это пребывание в Венгрии воспринималось, как маленький социалистический рай, где в магазинах было мясо, жвачки, пиво двух сортов, помидоры зимой и многое другое, о чем житель Союза не мог даже мечтать. Но радость и благостность порою прерывалась страшным известием: «Отцы Вовки и Женьки из восьмого дома... погибли, разбились». Похороны, почетный караул, траурное шествие, музыка, от которой разрывало душу на части, искореженная грудa алюминия на свалке с номером «13». А ты недели две назад сидел в кабине этого «МиГа» и крутил ручку штурвала и свистел, изображая звук двигателя. И все... Теперь смотришь на своих сверстников, отцы которых погибли, их растерянные глаза и не понимаешь почему и во имя чего эта смерть.

П П П Ш

Коллекционирование марок, да и не только марок, всего, что только могли коллекционировать в те годы, происходило без денег. Только путем обмена, одного чего-то ценного на другое, более ценное для себя. Самым ликвидным предметом мена были: свинец, из которого плавил всевозможные вещицы, от пистолетов до значков, порох, из найденных патронов, сами патроны, которые находили повсюду, стоило только хорошо покопаться. Так однажды, проходя через перепаханное поле, заметил Варлерка, мой товарищ, какую-то ржавую железяку. Потянул и вытащил... ППШ (пистолет — пулемет Шпагина, проще, автомат времен войны) Он был грязный ржавый, но довольно целый, правда без приклада и магазина. Находку тщательно скрывали, перевели гору наждачки, пытаясь очистить его от ржавчины, но все было напрасно. Отчаявшись, рассказали мы о своей беде нашему однокласснику, Сане. Тот загорелся.

– Давай меняться, что хочешь?

– Марки есть?

– Есть, альбом, классные марки, отец еще собирал.

Притащили мы ППШ в школу, ну не прям в здание, а встретились возле склада, место укромное. Развернули. Саня ахнул.

– Беру... На альбом.

И каждый стал рассматривать свою добычу. Альбом большой, зеленый с ГДР-овской переводкой.

– По рукам.

Время от времени интересовались, как идут «реставрационные» работы. Саня сделал приклад, очистил от ржавчины, смазал. ППШ был готов к контрольной стрельбе. Подогнали мы ему еще патронов с десятков, намытых в ручье. Сам не видел, но говорил, что стрелял, не все патроны, правда, были годны, отсырели. А тут, по случаю, утилизировали списанные летные перегрузочные костюмы. Ну как утилизировали. Прапорщики с солдатами облили соляркой, подожгли, а сами ушли. Но мы-то были на чеку, выхватили из огня, что ещё не загорелось и наутек. Так костюма четыре и спасли. А гермошлемы, вот, не горят, их бросали под трактор. Те, что для транспортной авиации, разбирали мотоциклисты, а для истребительной были никому не нужны и их давили гусеницами. Но нам удалось отвлечь и один стырить. Когда мы сказали Сане, что у нас есть, его буквально переключило.

– Тащите, – кричит, – у меня еще марок шестьсот есть.

Ну мы не стали торговаться, принесли.

Одним днем в класс пришла директриса с милиционером. Она спросила Валерку. Тот встал, испуганно взглянув на меня, не понимая, зачем его вызывают и вышел из класса. Потом, уже дома, он рассказал мне, что привели его в детскую комнату милиции и стали расспрашивать, знает ли он Саню и как ему попал ППШ. Дело в том, что Саня вечером накануне, надел летный костюм, гермошлем, повесил на грудь ППШ и пошел на ближайшую станцию электрички, не знаю, прогуляться по платформе, подышать воздухом с запахом пропитки шпал. Но народ на платформе куда-то делся, а позже к нему домой уже пришли... Валерку поставили на учет в милиции, а про меня как-то... может не выдали, хотя их и не пытали. Не знаю до сих пор.

Ноябрь 2012

Enjoy Coca-Cola

Пессимистическая комедия

Всю последнюю неделю в офисе только и шумели о предстоящем слиянии, а проще говоря, о поглощении какой-то иностранной фирмой компании, в которой работал Игорь Дмитриевич. Совсем недавно ему дали нового водителя Лешку. Целых полтора месяца призывал к молодому, чрезвычайно болтливому и активному напарнику. И тут еще одна новость. Как сообщил шеф, они теперь будут работать по мировым стандартам, придет представитель компании и будет проводить тестирование и тренинги. При словах «тренинг», «консалтинг», «рекрутинг» Игоря Дмитриевича слегка подташнивало и пропадал аппетит.

– Вот, Дмитрич, ты не прав, – старался переубедить Лешка своего старшего товарища, – порядка будет больше, зарплату повысят. А может, представляешь, машину новую дадут... «Форда» или «Ивеко». Не все же время на «Газели»... оленеводом.

Лешка говорил вдохновенно, с энтузиазмом. Игорь изредка бросал скептические взгляды и кривился от приводимых Лешкой аргументов.

– Ага, щас. Пахать будешь в два раза больше, а получать, дай бог... столько же, – брюзжал Игорь

– Форму выдадут... О! – Лешку озарила идея, он засмеялся, – поставят навигаторы и твоё, Дмитрич, знание города... ха-ха... заменит маленький гаджет.

– Тфу ты, – Игорь выругался, помрачнел, – ага, и этот твой навигатор будет бегать по этажам разносить посылки и ругаться с клиентами. И вообще, что за мусор: гаджеты, мерчендайзеры, менеджеры? По-русски только материться и молиться останется...

– Да, ладно, Дмитрич, не злись. Я думаю, что будет лучше, – на Лешкином лице застыла благостная улыбка.

– Не замечтайся... вон он, восьмой дом...

По пути домой Игорь мысленно продолжал спорить с Лешкой об угрозе предстоящих изменений, но сам себе честно признавался, что боялся больше того, что могут выгнать. И не важно, что работает уже давно, лет семь. Вот просто, не понравится новому руководству. Старый толстый очкарик. Им же все молодых подавай. Игорь твердо решил не дожидаться и завтра же написать заявление. Он зашел в магазинчик, набрал какой-то еды, вышел, потом вспомнил про кота. Опять вернулся

– Что-то забыли? – приветливо спросила продавец.

– Да, вот про Тихона забыл, ест уже больше меня.

Она рассмеялась. Игорь всунул кошачью еду в пакет и побрел домой. Всунув ключи в замок, отчетливо услышал требовательное мяуканье за дверью. Большой, сибирский кот, с широкой темной полосой от головы до кончика толстого пушистого хвоста, с диким мяуканьем, путался под ногами, встречая хозяина.

– Сейчас, сейчас, Тихоня, – Игорь шуршал пакетом, ощущая на себе голодный взгляд желтых кошачьих глаз.

Одна проблема была решена и он, минуто постоял, наблюдая, как кот уплетает, пошел готовить ужин себе. Казалось, так было всегда. Он и кот. Уже последних лет шесть, как ушла Татьяна и забрала с собою дочь, холостяковали с Тихоном. И все это время ни одна женская нога, кроме конечно Маринкиной, дочери Игоря, изредка приходившей навестить отца и Тихона и Вероники Борисовны, соседки, чьё участие в холостой жизни Игоря, сильно его раздражало. Гиперактивность, недавно вышедшей на пенсию Вероники Борисовны, сделала из нашего героя почти невидимку. Он старался неслышно входить и выходить из квартиры и не выдавать свое присутствие в ней. При звонке в дверь, Игорь вздрагивал, тихонько подхо-

дил к двери, прислушивался, боясь посмотреть в глазок и быть обнаруженным. Если за дверью не было слышно мирного сопения или продолжающегося монолога со своим супругом через открытую дверь своей квартиры, Игорь Дмитриевич, робко заглядывал в глазок и с непередаваемой радостью и облегчением открывал дверь. Вероника Борисовна, видимо, вскоре поняла хитрость Игоря и подходила к двери затаив дыхание и давая временную передышку своему супругу. Причины посещений были самыми разнообразными. Поскольку Вероника Борисовна была первооткрывателем такого нового понятия для бывших советских граждан, как сетевой маркетинг, она участвовала во всех всевозможных «бизнесах» от «Герболайфа» до «Тибетской фармацевтики». Когда Игорь еще жил с Татьяной, она старательно «окучивала» супругу и, даже, подписала ту на какую-то посуду, за которую Игорю пришлось расплачиваться почти полгода.

Когда Татьяна ушла, появился повод проявить свои недюжинные способности свахи. Это были легкие намеки «об одной интересной знакомой по «бизнесу», прямые уговоры и запугивания «о страшных болезнях холостяков» или участливое вздыхание вслед – «эх... тяжело без женщины».

Свою судьбу Игорь Борисович не мог уже представить, какими-либо узами соединенную с представительницами противоположного лагеря. Если в мечтах и закрадывалась эротическая мыслишка, то в виде веселой молодой рыженькой хохотушки.

Звонок раздался, как всегда, в самый неподходящий момент. Игорь Дмитриевич снимал со сковороды омлет, который постоянно соскальзывал с лопатки и когда раздался звонок, Игорь дернулся и омлет, разорвавшись напополам, одной частью оставался дожариваться, а другой попал под сковородку ближе к огню.

– Чтоб тебя! – Игорь выругался, выключил плиту и стал соскребать омлет.

Он получился уже не таким аппетитным, каким был на сковородке, каких-то две минуты назад.

Игорь решительным шагом пошел открывать дверь, готовя мысленно пламенную речь, которую долго уже хотел произнести, но в самый последний момент, уже приготовив нужные слова и открыв рот, закрывал его, от, полностью выбивающего из реальности, вопроса Вероники Борисовны.

– Игорек! Вот скажите! – Вероника Борисовна стояла с кроссвордом в руках, дверь в её квартиру была открыта настежь, что предполагало неминуемое участие в разговоре её супруга Петра Ивановича, – «знаменитый Лондонский аукцион», шесть букв?!

– «Сотбис», – выдохнул злость Игорь. Он попытался закрыть дверь, но на её пути оказалась нога Вероники Борисовны.

– Карпов! А ты, что сказал?! – она кричала в пространство лестничной клетки.

– Я так и говорил, – донеслось из квартиры с сожалением и признанием полного поражения в голосе.

– Да, как же, говорил! Ты говорил, что?! «Сотби»! Там пять букв! Спасибо Игорек, что значит высшее образование, не то что у некоторых... ФЗУ.... Кстати, мы недавно получили специальный чай для... для похудения, – Вероника Борисовна обмеряла взглядом фигуру Игоря, – за рубежом сейчас его пьют все модели и голливудские звезды...

– И вы? Вы тоже пьете? – решил съязвить Игорь и тем самым немного удовлетворить свой гнев, – пока не заметно.

– Ну..., Игорек, – она кокетливо хмыкнула, не поняв издевки, – мне-то чаем уже не помочь, да и дороговато для меня. А Карпов меня и такую любит, ха-ха-ха. Правда, Карпов?!

Из соседских дверей раздалось скорбное «угу», которое можно было бы расценить, как «о боже» или «почему я еще не умер».

– А мне, вы думаете, в самый раз? – Игорь сделал попытку еще раз закрыть дверь. Вероника Борисовна была на страже.

– Игорек? – она приблизилась ближе, барабаня карандашиком по животу Игоря, понизив голос и немного напустив таинственности, как будто хочет открыть точное месторасположение Янтарной комнаты, – одна моя знакомая ищет кота, ну вы понимаете... как ваш.

– Нет, не понимаю.

– Вы меня удивляете, Игорь. У неё кошка, у вас кот... понимаете?

– Теперь понимаю. И что?

– Она такая интересная, немного худовата, но все при ней, преподаватель английского языка, вы знаете, как это востребовано.

– Кошка? Они уже и английский преподают?

– Да какая кошка? Её зовут... Анжелика Дмитриевна, – Вероника Борисовна так произнесла её имя, что казалось, хотела всю жизнь называться именно Анжеликой, – отчество, как у вас, правда интересно? Незамужняя...

Игорь пожал плечами и хотел сделать еще одну попытку закрыть дверь, но в дверях показался Тихон, выйдя, видимо, на слово «кошка», проверить о ком идет речь.

– Вот Тиша! Какая прелесть! – Вероника Борисовна брезгливо убрала подальше ногу, чтобы кот её не задел.

Игорь улучшив момент загреб кота ногой назад в дом и захлопнул дверь.

– Так что сказать Анжелике Дмитриевне?! – опомнилась соседка, крича в щелку между косяком и дверью.

– Хорошо, хорошо! Пусть приносит! – кричал Игорь, теряя последнее терпение.

Когда он оторвал взгляд от потолка, ища там спасения, сидя на полу, в упор на Игоря смотрел Тихон.

– Что?! Вы мне пожрать дадите?

Игорь переступил через кота и пошел на кухню есть свой искореженный омлет.

Тихон, поняв намек, удалился, выставив свой роскошный хвост будто парус.

Под утро Игорь Дмитриевич совершенно исстрадался. Ему снилась Вероника Борисовна вместе с Анжеликой Дмитриевной гонящиеся за ним, а он, стараясь изо всех сил бежать – еле-еле продвигался и делать это было чрезвычайно трудно, как будто бежишь в воде. Вероника Борисовна бежала с клетчатой сумкой «мечта оккупанта» и что-то оттуда вытаскивала, выкрикивала и при этом объявляла, сколько букв содержится в слове. Анжелика Дмитриевна, точь-в-точь была, как и её подруга, только кричала по-английски, но, почему-то слышались немецкие слова: «Хальт» и «Эншульдиген зи, битте». Когда они его догнали, прижали к стене, и Анжелика Дмитриевна большими грудями уперлась в лицо Игоря Дмитриевича. Он стал задыхаться, от чего проснулся потный и испуганный. На груди мирно спал Тихон. Проснувшись от ворочанья хозяина, кот спрыгнул на пол, сладко потянулся, зевнул и, выставив вверх свой пушистый хвост, не спеша вышел из комнаты.

– Везет же..., – в полголоса произнес Игорь Дмитриевич, с завистью глядя на Тихона.

Предстоящий акт подачи заявления Игорь представлял во всех красках его довольно богатой фантазии. Его долго будут упрашивать не уходить. Начальник в растерянности будет заламывать руки, сначала кричать, что справится и без него, а потом упрашивать, намекать, что повысит зарплату, даст отпуск, когда захочет. Но Игорь Дмитриевич будет непоколебим, холоден и строг. Даже секретарша Светочка сменит свой униженно — снисходительный взгляд, её глазки округлятся от ужаса, какой ожидает их компанию в связи с уходом Игоря Дмитриевича.

веча. Игорь травил себе душу, вырисовывая в подробностях картины прощания, понимая, что ничего подобного не будет, но так бы хотелось.

Потолкавшись в транспорте, он добрался до работы и зашел в приемную.

– Дайте бумагу, – сказал он веско и сухо.

Светочка смерила его своим обычным взглядом, от чего Игорь весь ссутулился и к горлу подошел ком от жалости к себе.

– В туалете кончилась бумага? – с умилением спросила Светочка.

– Я... мне не до шуточек, я хочу написать заявление, – гневно сквозь очки сверкнул Игорь Дмитриевич.

– Пожалуйста, – Светочка положила лист бумаги перед ним. Игорь взял, оглянулся по сторонам, найти место, где написать, еще раз наткнулся на равнодушно – презрительный взгляд Светочки, отвернулся и подался к выходу.

– Я там напишу.

В дверях чуть не столкнулся с шефом. Шеф отпрянул, увидел Игоря, опять шагнул на встречу. Игорь уступил ему дорогу, кивнул здороваясь.

– Здравствуйте Владимир Николаевич! – Светочка излучала счастье и, казалось..., взлетит, часто хлопая нарощенными ресницами.

– Здравствуйте. Светочка, что у нас?

– Да вот Короблеев заявление принес.

– Коробеев, – уточнил Игорь Дмитриевич.

– Заявление? Давай, – Владимир Николаевич попытался выхватить листок у Игоря, но тот не отдавал, когда он почувствовал удивленный взгляд шефа, разжал пальцы, – Так, тут же ничего нет! Что за заявление?

– Я еще не написал, – виновато оправдывался Игорь, – я увольняюсь.

Он придал голосу, как можно больше трагизма. Светочка хмыкнула. Владимир Николаевич недоуменно посмотрел на Игоря.

– Ну, пиши...

«Ну, пиши» и все?!», – клокотало внутри Игоря Дмитриевича. Не было ни скупой слезы, ни «как же так, старик», просто... «ну, пиши». Игорь быстро вышел из приемной быстро написал и вернулся в кабинет. Он протянул шефу заявление. Тот мельком пробежав по строчкам, поставил свое факсимиле и вернул Игорю.

– Только Коробеев, две недели отработки, как положено. Все иди.

Игорь Дмитриевич уже глубоко жалел о своем поступке. Поторопился, поспешил, выпендрился. Ругал и корил себя самыми жестокими словами, которые никогда не говорил другим. В офисе уход встретили буднично и равнодушно. Только Лешка немного был не таким веселым, как всегда, говорил, что придется притираться к новому напарнику, а кто это будет, одному богу известно. Кому и жаловался Игорь Дмитриевич на себя самого, так это Тихону. Тот участливо лежал и слушал тирады и филиппики ораторского мастерства Игоря Дмитриевича, мирно жмурясь, когда тон становился немного тише и, в такт повышения голоса, открывал свои глаза цвета застиранного х/б солдата второгодника, глядя на хозяина, ходящего по комнате от стены к стене.

Стояла поздняя весна. Все еще было зелено и ново. И душа еще радовалась предстоящему лету совершенно искренне, не представляя или забыв те муки зноя, какие бывают в июле. Когда все кажется, как в первый раз, как в детстве. Игорь договорился с Лешкой, что тот будет забирать его по маршруту, чтобы не ехать в офис и лишней раз не тревожить себе душу. Игорь Дмитриевич прохаживался взад-вперед, ожидая Лешкину «Газель». Она подъехала как-то не слышно, не ревя глушителем и не грохоча разбитой подвеской – плавно и, можно сказать, нежно.

– Привет, Дмитрич! – Лешка выскочил из машины и кинулся к Игорю. Тот от неожиданности несколько оробел и подался назад.

– Что ты? Радости полные штаны, выскочил...

– Да уж радость, – он подошел к пассажирской двери и открыл её настежь.

На месте, где почти семь лет он терся своим задом, где этим же задом был изучен каждый бугорок и неровность и протерт не один комплект чехлов, сидела... молоденькая, рыженькая и, как нарисовал мгновенно себе Игорь Дмитриевич, непременно веселая девушка.

– Здравствуйте, – задорно поздоровалась она, улыбаясь и немного шурясь от солнца.

Игорь бы стоял так довольно долго, если бы Лешка не разрядил ситуацию.

– Это Дмитрич. Это Юля. Поехали?

Игорь сел и вжался в дверцу, стараясь не касаться ни коим местом девушки. Лешка завел свой обычный треп про перспективы и ожидания. Юля весело хохотала. Игорь Дмитриевич, наоборот, мрачнел и еще больше ненавидел себя за свою выходку с заявлением. Особенно в свете появления той, чей образ так часто рисовался в его эротических фантазиях. Теперь он представлял, как Лешка будет с ней работать, как им будет вдвоем весело... От этих мыслей у его скрипели зубы и сводило челюсть.

– А как ваше имя? – Юля неожиданно обратилась к Игорю, – я думала, там, дедушка будет, Лешка все Митрич, да Митрич. А вы ведь не старый.

Игорь, – будто топором рубанул, боясь протянуть слово.

– Владимир Николаевич сказал, чтобы вы мне все подробно рассказали, ввели в курс дела. Он сказал, что у вас большой опыт и вы им можете поделиться. Ведь так? Ну, рассказывайте, Игорь, – Юля так произнесла «ну, рассказывайте», что ему слышался призыв «ну, возьмите меня».

Он замер, наслаждаясь её голосом, и вдвойне получил наслаждение, когда она говорила о его опыте и то, что он не старый. Игорь почувствовал, как ему становиться жарко. Он опустил окно и вдохнул налетевший поток воздуха. Редкие волосики зашевелились, стали непослушно метаться. В душе появилась необъяснимая тревога, которую он давно ждал.

«Нет, все может только начинается», – подумал Игорь и ему захотелось быть таким же бесшабашным и непослушным, как его последние волосы.

Девушка спрашивала, он односложно отвечал. Лешка развлекал его скупые ответы своими комментариями, сыпля шутками, отчего Юля звонко смеялась. Её тоненькие колени то и дело касались ручки переключения и Лешка, переключая передачу, постоянно задевал её левую ножку. Игорю казалось, что делает он это умышленно, можно было бы и не мотать своей рукоятью по всей кабине. Но Юля не обращала на это внимания.

– Вы можете сесть ближе, Игорь. Мне кажется, что вы совсем сползли на самый край.

Игоря Дмитриевича опять бросило в пот. Он ничего не ответил, а только придвинулся на какой-то сантиметр и почувствовал бедро Юли. Ему совсем сделалось дурно. Благо, машина остановилась, подъехав к нужному адресу, Игорь выскочил из неё, как упругий новый мячик и помчался открывать будку. Юля смотрела на него с живым интересом, затем сама вышла из кабины и, вытянув вверх руки, потянулась. Игорь Дмитриевич стоял, как вкопанный с коробкой в руках и смотрел на девушку.

День заканчивался. Посылок было немного и Игорь попросил остановить его недалеко от остановки. Вышел он, буркнув на прощание и посмотрел вслед уезжающей машины, на которой мысленно рисовал силуэт девушки.

«Какой же ты debil, Коробеев!» – продолжал себя распекать Игорь, – «что тебя держало за язык, ведь она то, о чем ты мечтал в своих идиотских фантазиях. Она сама шла тебе в руки,

а ты... ты жирный, тупой очкарик. И хотя она сказала, что ты не старый, не обольщайся – старый.... Старый и тупой...»

Тихон встретил хозяина без энтузиазма, на минуту выйдя в коридор, проведя хвостом по дверному косяку, скрылся в глубине комнаты. Игорь прошел следом, включил телевизор, тупо сидел и выключил, развернув газету объявлений на рубрике «Требуются на работу». Он вслух комментировал некоторые объявления, возмущался, отмечал те, которые на его взгляд могли бы подойти. Больше всего было объявлений такого содержания: «требуется сотрудники в новый офис». Ни возраст, ни образование, ни опыт работы их не интересовало. Зарплата предполагалась высокая. Обзвонив несколько таких «новых офисов» и выслушав стандартные: «Как к вам обращаться, меня зовут Ирина или Марина, или Карина... и так далее», рассказы о светлейших перспективах и возможности отдыхать за счет компании в Египте, влиться в веселый и дружный коллектив, Игорь, так толком и непонял, в чем заключается работа и что вообще нужно делать в этом самом «новом офисе». Все ссылались на собеседование. Выбор он сделал по приятности голоса и имени девушки. Её так же звали Юля. Он записался на собеседование и, перебирая возможные варианты работ, какие могут быть в офисах, так ни на чем не смог остановиться.

Злость на себя постепенно прошла, оставив след тянущей грусти.

Звонок в дверь напомнил ему про сегодняшний сон и он вспомнил, что пообещал Веронике Борисовне позаботиться о потомстве Тихона. Тихон опередил Игоря и был у двери первым. Игорь Дмитриевич посмотрел в глазок. С той стороны двери на него смотрели два кошачьих глаза.

«Англичанка», – мелькнула в голове у него, и вспомнились большие груди, душившие во сне. Игорь нехотя открыл дверь.

– Здравствуйте, – сказала миловидная, стройная женщина около сорока в очках, – я Анжелика Дмитриевна, Вероника Борисовна вам говорила недавно обо мне?

Игорь еще никак не мог расстаться с образом той, «сонной» Анжелики, который никак не согласовывался с тем, что он видел. Он несколько затянул с выдыханием. Паузу нарушил Тихон. Он смотрел на принесенную ему даму, будто видел свое живое отражение. Глаза округлились, и если бы были кошачьи психотерапевты, то единодушно, не дискутируя, поставили бы диагноз: параноидальный шизоидный синдром.

– Ай, ты моя прелесть! – Анжелика Дмитриевна опустила на корточки перед Тихоном и решение Игоря уже никого не волновало. Вместо него мог бы стоять шкаф или комод и, даже, они могли оказаться более функциональны в эту минуту.

Анжелика приблизила свою «даму» к Тихону. Тот отпрянул и удивленно посмотрел на пришлицу. Кошка неслышно прыгнула с колен хозяйки и по-свойски, грациозно прошла в квартиру мимо двух глупо выглядевших «мужчин», рассматривая обстановочку холостяцкого жилища. Когда Тихон оклемался от первого впечатления, и по-хозяйски решил расспросить, мол, «что, собственно надо?», чуть не получил по своей хозяйской морде. Когти просветили в каком-то миллиметре от носа. Тихон отпрыгнул, не понимая, что ему делать. За всю его жизнь он пару раз выходил на улицу, где пытался вжаться в землю и ли раствориться на ней. Опыта общения с подобными особами у него не было. А это, видимо, была еще та штучка. Кошка разлеглась в коридоре, а затем вообще, нагло и фривольно-вызывающе стала переваливаться с боку на бок.

– Ну, я думаю, они разберутся сами, – продолжая стоять у открытой двери, произнесла Анжелика Дмитриевна.

Щелкнул замок в соседской двери. Игоря стукнуло будто током, он резко схватил Анжелику и, дернув её за руку, затащил в квартиру и захлопнул дверь.

– Ой! Что вы?! – Анжелика удивленно и испуганно взглянула поверх очков.

– Тс-с-с, – Игорь прижал палец к губам. Выражение лица, было, как на известном плакате «Не болтай!», только в очках и лысый, – Вероника Бори...

Он не успел договорить, конец фразы поглотил резкий звонок в дверь.

– Игорек! Вы дома?! – спрашивали за дверью, – к вам Анжелика Дмитриевна не заходила?! Она должна была сегодня прийти!

Анжелика попыталась что-то ответить, но Игорь скорчил такую страшную физиономию, и так ею мотал головой, что дар речи пропал сам собой.

– Наверное, еще нет, – констатировали за дверью, – Карпов! Вот ты все дома торчишь, люди вон, в восемь часов еще на работе, а ты?!

Соседская дверь захлопнулась. Игорь Дмитриевич сдулся, как надувной заяц.

Анжелика Дмитриевна все еще требовала объяснений. Коробеев смахнул испарину.

– Вы меня извините, я бы не хотел, чтобы она... Вероника Борисовна... Вы у меня... я...

– Вы боитесь, что Вероника Борисовна плохо подумает обо мне?

– Нет...

– О вас?

– Да, то есть, я не хочу, чтобы она вообще что-то думала.

Игорь перевел дух.

– Может быть чай? – Игорь еще чувствовал неловкость за такое оперативное сокрытие гостей.

– Хорошо.

Он провел рукой, предлагая пройти в комнату и, наткнулся глазами на ту же сцену, что и пять минут назад. Тихон сидел и таращился во все глаза на незнакомку, выбрав безопасное расстояние, а та продолжала свое стриптиз-шоу на полу, периодически замирая и, от нетерпения, барабанила хвостом, желая хотя бы какой-то реакции.

– Он у вас, избалован женским вниманием, как его зовут? Прелестный котик, – Анжелика пошла мимо Тихона, рассматривая холостяцкое жилище в таком же порядке, как и её кошка.

– Тихон, – полностью успокоился Игорь.

Тихон виновато взглянул на хозяина.

– Да, нет, он у меня..., – Игорь хотел произнести «девственник», но слово застряло, не допущенное для употребления, так как могло быть не так истолковано, да и к тому же незнакомая женщина. Он смутился.

– Что? Еще ни с кем? – Анжелика заставила смутиться еще сильнее, – вы что, Игорь Дмитриевич?! Так нельзя! Вы же этим калечите животное, он должен жить полноценной жизнью, да еще и такой экземпляр, красавец! Какое потомство будет!

Игорь смотрел то на неё, то на кота и мысленно сам себе говорил: «Что кот, тут самому бы подумать про полноценную жизнь. Она так печется о здоровье кота, а мужик, что хуже? Интересно, она про свое здоровье, в этом смысле, так же переживает или это относится только к питомцам?»

– Ну, хорошо, не будем им мешать, природа сделает все сама.

Они прошли в комнату, усадив Анжелику, Игорь отправился хлопотать на кухне. Через некоторое время вернулся, неся две чашки, дымящихся ароматной заваркой.

– Вы знаете, как для котиков важен... этот аспект. Они теряют шерсть...

Игорь машинально провел по лысине рукой.

– У них продуцируются женские гормоны и они начинают толстеть...

Игорь заерзал на стуле.

– Вы так потеряете последние признаки породы. Это ужасно, я за вас возьмусь.

Игорь поперхнулся, не столько от горячего чая, сколько от предстоящей перспективы, быть кем-то взятым. Но промолчал, подумав, что рано отвергать предложение такой симпатичной женщины.

Из коридора раздался кошачий визг, звуки возни и в комнату вбежал Тихон, спасаясь бегством от этой агрессивной бестии, ища защиты у хозяина. Кошка остановилась, заглянула в комнату и скрылась в темном коридоре. Тихона манила эта неизвестность, и он пошел ей навстречу.

– А как зовут вашу кошку? – Игорь спросил, будто знание имени кошки как-то помогло бы Тихону.

– Ксюша. Она у меня девушка с норовом, требует особого подхода.

– «Ну, вот и тут нужны особые подходы», – с досадой отметил про себя Игорь.

Некоторое время было тихо. Анжелика Дмитриевна говорила о питании, балансе, калориях, правильном уходе, что Игорь даже заскучал, понимая, что все, что она перечисляла, он не делает, да и делать не будет, поскольку, этому надо посвятить все свободное время и кучу денег, которых у него уже скоро не будет совсем. Он вспомнил о работе и о Юле. Ему стало еще грустнее.

В коридоре опять зашевелилось, раздался какое-то подобие стоны или тихого «мяу».

– Ну вот, Игорь Дмитриевич, все кончено, я вас поздравляю, теперь у вас нормальный кот.

Игорь смотрел на радостную и торжественную Анжелику, от чего встал, как будто в эту минуту его награждают и вот-вот повесят медаль «За бесценную помощь в сохранении кошачьего потомства».

– А... а... как вы узнали? – он изумленно развел руки.

– Большая практика, я знаю оргазм своей кошки.

У Игоря чуть не вырвалось: «А свой оргазм вам так же знаком?»

Анжелика Дмитриевна выпрямилась и направилась на выход.

– Ксюша! Девочка! Мы идем домой. Игорь Дмитриевич, котят мы поделим пополам.

Игорь представил, как Анжелика Дмитриевна в резиновых перчатках с большим топором, под музыку «Рамштайн» деловито «делит» котят пополам. Он передернулся и отогнал видение.

– Нет, нет, не надо делить! Забирайте их всех, мне бы с Тихоном справиться.

Он проводил её до дверей и, подойдя к выходу, вспомнил о Веронике Борисовне.

– Вы подождите, пожалуйста, – Игорь всматривался в глазок, затем тихо, чтобы не лязгать замком открыл дверь, поманил Анжелику. Та с неподдельным интересом наблюдала его за манипуляциями, как за неким таинством.

– Всего доброго, – пошептал он.

– И вам тоже, – подыграла Анжелика Дмитриевна, – спасибо, до свидания.

Игорь закрыл дверь и услышал, как открылась соседская.

– Анжелочка Дмитриевна! Вы пришли! Я сейчас Игорьку позвоню!

– Нет, нет, не надо. Мы все уже сделали, спасибо вам Вероника Борисовна.

– Уже? – разочарованно вздохнула Вероника Борисовна. Она досадно хлопнула себя по бедрам, – я бы вас к себе пригласила, но у Карпова... аллергия на кошек, извините...

– Что вы, что вы, Вероника Борисовна, нам уже пора.

Вероника Борисовна натянула улыбку на гримасу досады.

– До свидания, Анжелочка Дмитриевна...

Она дождалась, пока Анжелика скроется за углом площадки и с нетерпением стала звонить Коробееву.

Игорь, исчерпав все эмоции на сегодняшний вечер, открыл дверь и смотрел на Веронику Борисовну равнодушно и бесстрастно, как после укола транквилизатором.

– Игорек! – начала она с некоторой претензией, – я вам звонила...

– Мы были заняты, помогали Тихону, потерять невинность, – Игорь намеренно хотел наговорить пошлостей, обыгрывая тему Тишкиного секса.

– Как?! – удивленно подняла брови Вероника Борисовна.

– Ну, как... обычно, – он сделал выражение, что этим он занимается повседневно.

Вероника Борисовна не стала уточнять подробности, поняв, что эту тему ей все равно не осилить. Она приблизилась к Игорю вплотную и заговорщицки спросила:

– Как она вам?

– Как для меня, обычная, среднестатистическая... вообще это у Тихона надо спросить, он с ней общался.

Тихон с таким же безразличным и равнодушным видом терся у ног Коробеева и намерился потереться о ноги Вероники Борисовны. Та сразу увеличила расстояние.

– При чём тут Тихон? – она глупо хлопала глазами, наблюдая за тем, что бы кот не приближался.

– Ну, а кого же спросить? – Игорь наслаждался тупостью Вероники Борисовны и делал совершенно серьёзный вид, хотя самого начинало внутри трясти от хохота.

– Я вас спрашиваю про Анжелику Дмитриевну, – решила пойти другим путем Вероника Борисовна.

– А...! – Игорь сделал искреннее озарение, – Вот такая кошатница! Так заботится о кошачьем здоровье, может только человек, которому больше заботиться не о чем.

– Я вам говорила, – умиротворенно кивнула Вероника Борисовна, проигнорировав последнюю фразу.

– Вера! – раздался возглас Карпова, – начинается!

– Все бегу, – Вероника Борисовна засуетилась, – я вам говорила, я плохого, не предложу...

Соседская дверь захлопнулась. Игорь еще продолжал стоять на пороге своей квартиры, подумав, что впервые соседка ушла первой. Это было знаменательно, как и весь сегодняшний день. Он медленно, не торопясь закрыл дверь. Тихон развалился посередине коридора, пытаясь повторить позу недавней гостьи.

– Везет..., – Игорь с завистью смотрел на кота, – кормят, работать не надо, еще и баб на дом доставляют.

На последних словах Тихон сладко прикрыл глаза и перевернулся на другой бок.

«Новый офис», при неплохом знании города, Игорь искал довольно долго. Он крутился вокруг одного и того же места спрашивал у прохожих, те пожимали плечами. Возле неприметной двери пристройки жилого дома он увидел кучку разношерстной публики, что-то ожидающей. Внутренний голос ему говорил, что эти люди, тоже соискатели «офисной» работы. Он направился к ним.

– Здравствуйте, вы по поводу работы? – Игорь Дмитриевич, постарался спросить, как можно приветливой.

«Кучка» отреагировала недружелюбными взглядами, словно у них уже все было решено, а Игорь вот, взял и разрушил хрупкую договоренность.

– Здесь, здесь... – раздалось снизу.

Мужик неопределенного возраста, дымя сигаретой, сидел на корточках. Публика была «чисто офисной», возрастом далеко за... и видом из «секонд хенда», купленной перед завозом новой партии. Напряженно молчали все, даже воробьи, сидевшие на мусорных баках. Небольшой ропот прокатился, когда открылась дверь «офиса». На пороге появилась жизнерадостная, улыбающаяся девушка в строгом темном костюме.

– Здравствуйте! Сейчас вам всем будут розданы анкеты, в которых вы напишите свои данные, опыт работы, владение компьютером и так далее. Постарайтесь отвечать правдиво.

Трудно сказать какие слова больше отпугнули, «компьютер» или «правдиво», но часть «кучки» стали пятиться.

– А што за работа? – поинтересовался «дымящий» мужик.

– Вам все расскажут при собеседовании. Проходите.

Игорь вошел в «новый офис» наскоро, видимо, переделанный из бывшей дежурки жековских слесарей. Взял анкету и сел заполнять. Анкета была большой. И вопросы в ней были от простых, фамилия, имя, отчество до психологических, где надо было ответить вдумчиво. Это внушало Игорю доверие и некоторую робость. Он старательно отвечал на вопросы, как можно правдиво. Единственно, где был неточен, в возрасте. Украл у себя пять лет, и теперь ему стало сорок один. Он посчитал, что настоящий возраст может быть помехой в приеме на работу. Публика старательно сопела, вспоминая буквы.

– Вы заполнили? Проходите на собеседование, – приветливая девушка в строгом костюме показала на дверь.

В комнате сидело несколько человек, каждый за своим столом.

– Подходите, присаживайтесь, – радушно предложила женщина за первым столом. Она пробежала глазами по анкете.

– Вы работали в НИИ? Старший научный сотрудник? Нам очень нужны такие работники.

У Игоря внутри забрезжил свет в конце его беспросветного туннеля. Он весь выпрямился и стал, действительно, лет на пять моложе.

– Замечательно! Я вас познакомлю с нашей компанией, – защebetала она, – Наша компания работает в нескольких сферах и имеет несколько направлений. Мы крупная международная компания с давней историей, Трейдмарксофт Интернешнл Лимитед. Вы слышали о нас?

– Нет, – Игорь отрицательно помотал головой. Кроме того, его всегда пугали такие награждения иностранных слов.

– Вот, – женщина всем видом показала, как это престижно и достойно работать в такой компании, – но для того чтобы работать вы должны будете пройти стажировку.

– А в чем будет заключаться моя работа? – решил не томить себя Игорь.

– Я же вам сказала, у нас очень много направлений и вы можете выбрать себе ту, которая вам больше подходит... но, повторяю, нужно пройти стажировку и обучение. Обучение у нас бесплатное, но... необходимо купить обучающий диск и пособие.

– А сколько это стоит?

– Это не значительный деньги, комплект стоит шестьдесят девять долларов или по курсу...

Женщина что-то продолжала говорить о тысячах долларов, которые можно будет заработать благодаря этому диску, радужных перспективах личной жизни, а у Игоря появилось то странное чувство, которое он ощутил, когда на заре рыночной экономики, довелось играть в наперстки. Было так же противно сознавать, что тебя сейчас облапошили, ты и они об этом знают, а хуже всего, когда ты знаешь, что они знают, что ты знаешь, что тебя облапошили.

Игорь стал мрачнеть и медленно подниматься, к нему опять вернулись его пять лет, громко захлопнув ту щелочку, откуда начинал пробиваться свет.

– Куда же вы?! – всполошилась женщина, – вы не хотите иметь достойную зарплату?!

– Знаете, что...! – Игорь Дмитриевич не стал продолжать, махнул рукой и вышел из кабинета.

Выйдя из «дежурки» на божий свет, он вдохнул свежий воздух свободы, но не успел им насладиться, его окликнул голос снизу:

– Ну что? Сколько обещают? – не так, чтоб с интересом спрашивал, сидящий на том же самом месте «дымящий» мужик.

Игорь Дмитриевич вернулся в действительность, взглянул на мужика и, ничего не ответив, пошел прочь.

Игорь брел домой разбитый и подавленный.

– Дмитрич! – возле тротуара остановилась «Газель, из которой доносилась громкая, веселая жизнеутверждающая музыка.

Лешка, под стать музыки, высунувшись из окна, приветливо улыбался. Игорь остановился и тяжело поднял глаза. Его угрюмый и неприветливый вид растворил Лешкину радость, он тоже опустил уголки губ.

– Что-то случилось?

Игорь, встав на носочки и вытянув шею, заглядывал в кабину, глядя мимо Лешки, желая увидеть там, ту которую он «упустил», как он считал. Он увидел только тоненькие коленки, упершиеся в «торпеду». Игорь глотнул слюну, как голодный пес в ожидании, когда освободят от пакета остатки недоеденной курицы. Коленочки опустились, и за Лешкой показалась та желанная рыженькая Юля.

– Приветик, – радостно кинула она.

Игорь опустил на пятки, втянул шею и кивнул, буркнув в ответ.

– Эх, Дмитрич, зря ты ушел, – травил душу Лешка, – у нас сейчас все по-новому. Я теперь не водитель, а драйв-менеджер, а Юлька – специалист по логистике! Обещали форму выдать...

– Угу, – Игорь скривился, – как же... имена и фамилии не переделали еще? Куда не плюнь, в менеджера попадешь. Раньше хоть в инженеров метили, а сейчас... инджей Кока – Кола!

Он плюнул и пошел дальше.

– Что, что? – Лешка, или не услышал, или ему это показалось оскорбительным и он решил уточнить, как точно его оскорбили, – ну и иди, ковырайся в родном навозе! Инджей... Пердун!

Он не успел договорить, как Игорь нагнулся и немного поискав, чем бросить, схватил ком земли и швырнул в Леху. Юля ойкнула. Лешка, видя замах, дал по газам, и машина рванула с места. Ком ударился в будку, рассыпавшись, как последняя надежда снова увидеть Юлю.

Совершенно расстроенный и изможденный Игорь плюхнулся на диван. Сидел, тупо смотря в одну точку. Кот будто чувствуя настроение хозяина, непривычно ластился и урчал. Игорь потрепал его, взял на руки и посадил к себе на колени. Тот вначале сидел смиренно, потом ему это надоело, и он стал, вытягивать лапы и, цепляясь за все, что под них попадет, стащил газету объявлений с дивана. Игорь, словно вышел из комы и вспомнил об одном объявлении, которое ему показалось странным, не по сути, а по непонятному названию компании. Он сбросил Тихона на пол. Тот отошел, потянулся и улегся рядом.

Игорь быстро нашел заветное объявление:

«Клининговой компании требуются сотрудники».

Лаконично, просто и главное не сказано об ограничениях по возрасту. Ну и «клининговой»... Игорю показалось, что это как-то приятно звучит. Он быстро набрал номер. На том конце буднично ответили, что да, требуются, да без ограничений, образование, если есть – хорошо, если нет, то и не надо. Он выяснил, куда подойти и выскочил из дому, оставив удивленного кота.

Подойти надо было в крупный супермаркет «Аврора». Коробеев не любил супермаркеты, считая их местом тщеславия толстосумов, обмана и сбыта просроченной продукции. Он вошел в залитый светом зал, через автоматические двери. Девушка приятным голосом что-то объявляла. Он услышал знакомое слово и удивился.

– Работник клининговой компании, срочно подойдите к отделу номер 12!

Он потоптался на месте и решил спросить у охранника.

– А как найти эту... клининговую компанию?

Охранник внимательно смерил взглядом Игоря и показал куда-то в конец зала.

На маленькой двери висела табличка

«Клининговая компания».

Сердце забилось. Игорь постучал.

– Входи, не заперто! – послышался грубый женский голос.

У Игоря, этот тембр не совсем стыковался с его прежними ожиданиями. Он вошел. Поверх очков на него смотрела одутловатая баба неопределенного возраста.

– Те чио?! – кивнула она Игорю.

– Я, правильно попал? Мне нужна клининговая компания? – еще веря, что он ошибся дверью, спросил Игорь.

– То, что попал, это да, а правильно, посмотришь потом, – резанула баба, – На работу?

– Да..., – промямлил Игорь.

– Эт хорошо, а то у нас одни бабы, ты единственный мужик, – при слове «мужик» она скептически смерила взглядом Игоря, махнула рукой, типа «выбора нет» и пошла куда-то, – Иди за мной!

Они подошли к подсобке, баба клацнула ключами и открыла дверь. Взяла с крючка куртку, совок и щетку и протянула Игорю.

– Это тебе форма и инструмент. В конце дня все сдашь. Меня зовут Андревна. Если по матюгальнику зовут, беги со всех ног куда скажут. Работать будешь у входа. Шоб усе блестело. Все понятно?

– А отдел кадров? Оформление? – растерянно спросил Игорь, держа всученный бабой инструмент.

– Я тебе и отдел кадров и директор. Чо не понятно? Иди работай!

Игорь развернулся, не став уточнять ни про зарплату, ни про график. Вышел на улицу и осмотрелся кругом. Было довольно замусорено. Он поставил совок и щетку и стал натягивать куртку. Приложив немало усилий в неё влезть, застегнул одну пуговицу, которую смог, посмотрел и расстегнул назад. Похлопал себя по груди.

– Ну, вот теперь я тоже в форме, – с иронией заметил Игорь.

Он взял совок и щетку и стал тщательно выметать мусор. Он так увлекся, что не заметил, как стемнело. Игорь посмотрел на свою работу с удовлетворением и встал, облокотившись об колонну, наблюдать за посетителями «Авроры». Начиналось лето, и он подумал, что с его приходом, что—то должно измениться и в его судьбе.

Его мечтательность нарушил голос, проходившего рядом молодого парня, который подъехал на красивой сияющей машине, пикнул сигнализацией и направлялся к входу. Он громко

разговаривал по телефону, не обращая внимания на окружающих, громко смеялся. Перед входом в супермаркет, щелкнул пальцами и из них вылетел окурок, покувыркавшись в воздухе, упал под ноги Игоря Дмитриевича. Он пронаблюдал за траекторией полета и приземление, уставился на парня, хмуря брови. Тот стоял, договаривая в телефон, абсолютно не замечая Игоря и его взгляд, словно это стоял какой-то надувной заяц, как реклама «Дюрассел».

– Подними окурок, – внятно и напряженно сказал Игорь.

Парень повернул голову, и взгляд его говорил, что он очень удивлен, что этот «заяц» еще и разговаривает.

– Что...? – оторвался он от разговора.

Подними окурок и брось в урну, – повторил Игорь, гневно сопя.

– Слышь, ты, мужик... ты ничо не попутал? Подметайка, ха-ха-ха, – обрадовался он удачному названию, – что стеклами сверкаешь? Сам поднял и бросил...

Парень вернулся к разговору, уверенный, что вопрос с окурком решен окончательно.

– Подними! – почти заорал Игорь и шагнул к парню, весь трясясь от злости.

– Вот урод...

Парень, переложив телефон в левую руку, саданул Игоря прямо под левый глаз коротким и резким ударом. Очки слетели. Игорь отшатнулся, и от неожиданности выронил совок.

Прошла секунда.

– А-а-а! – Игорь, мчался как скорый курьерский поезд. Он набросился на парня и стал его беспорядочно лупить, маша руками, не заботясь о мелкости своих ударов. Парень споткнулся, упал, снова поднялся, пытаясь уклониться от ударов, метнулся в сторону. Игорь, не разбирая дороги бежал за ним натываясь на покупателей и тележки. Они разбежались в стороны, видя несущуюся на них опасность. Парень успел заскочить в машину, судорожно вставить ключ и завестись. Игорь бил руками и ногами сверкающую лаком машину, пока она, не рванув с места, не скрылась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.